

Ярослав Золотарёв

СТАРАЯ СИБИРЬ

Ярослав Золотарёв

Старая Сибирь

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Старая Сибирь / Я. Золотарёв — «Автор», 2026

«Старая Сибирь» — история огромной земли, рассказанная не только через походы, указы и губернаторов, но прежде всего через судьбы людей, которые её осваивали и делали своим домом. Как Ермак и казаки дошли до Сибирского ханства? Почему государство зачастую лишь следовало за народной колонизацией? Как жили крестьяне там, где почти не было помещиков? Чем занимались сибирские купцы, ссыльные, рабочие и интеллигенты? Как управляла собой деревенская община и почему старожилы отличали себя от новых переселенцев? От первых русских походов за Урал до железной дороги и рождения сибирского областничества автор показывает Сибирь XVI–XIX веков как живое общество — противоречивое, суровое и удивительно самостоятельное. Это книга о государстве и людях, колонизации и взаимопомощи, городах и деревнях, коренных народах и переселенцах — и о том, как постепенно возник тот особый мир, который называли старой Сибирью.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. Сибирь до русских	12
1.1. Земля размером с материк	12
1.2. Самые древние сибиряки	16
1.3. Народы Сибири	20
1.4. Степные империи	25
1.5. От Золотой Орды к Сибирскому ханству	30
Глава 2. Русские до Ермака: Новгород, Югра и путь за Камень	35
2.1. Северная Русь смотрит на восток	35
2.2. Югра за Камнем	38
2.3. Москва наследует Новгороду	40
2.4. Пермь, Урал и Строгановы	43
2.5. Две Сибири идут навстречу друг другу	46
Глава 3. Ермак и Сибирское ханство	50
3.1. Кто такой Ермак?	50
3.2. За Камень	53
3.3. Кучум против Ермака	57
3.4. Ермак в Кашлыке: завоеватель или новый хан?	60
3.5. Гибель Ермака — и Сибирь всё ещё не покорена	64
Глава 4. От Оби до Тихого океана	68
4.1. Сибирь пошла на восток	68
4.2. Енисей, Лена и Якутск	72
4.3. Казаки, промышленники и ясак	76
4.4. До края земли	80
4.5. Амур: место, где Россия встретила другую империю	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ярослав Золотарёв

Старая Сибирь

Введение

Сибирь занимает большую часть Северной Азии, но в привычном рассказе о русской истории ей достаётся удивительно мало места. Обычно она появляется отдельными эпизодами: поход Ермака, освоение новых земель, каторга и ссылка, золотые прииски, строительство Транссибирской магистрали. Между этими яркими сюжетами остаются огромные пространства — не только географические, но и исторические. Получается странная картина: страна на протяжении нескольких столетий двигалась на восток, обживала территорию до Тихого океана, строила там города и деревни, создавала органы управления и торговые пути, а в общем историческом повествовании всё это нередко остаётся где-то на периферии.

Эта проблема замечена давно. Авторы современной коллективной работы «Сибирь в составе Российской империи» прямо отмечают традиционную централистскую перспективу российской историографии, при которой внимание сосредоточивалось прежде всего на государственном центре и центральной власти. Они обращают внимание и на своеобразную «региональную обделённость» Сибири в общих курсах истории России.

Однако Сибирь интересна не только потому, что она велика и потому заслуживает больше страниц в учебниках. Гораздо интереснее другое: за несколько столетий здесь сложился **особый исторический мир**.

Люди, переходившие через Урал, не попадали на пустую карту. Они оказывались в огромной стране с уже существовавшими народами, государственными образованиями, торговыми путями и хозяйственными системами. Русское продвижение на восток сопровождалось войнами и переговорами, сбором ясака и торговлей, основанием острогов и городов, крестьянским переселением и развитием промыслов. Постепенно военная и промысловая граница превращалась в пространство постоянной жизни.

Даже само слово «Сибирь» меняло содержание. Первоначально оно относилось к значительно более ограниченной территории, связанной с Сибирским ханством, а по мере русского продвижения стало распространяться всё дальше на восток — на бассейны Оби, Енисея, Лены и Ангары и в конечном счёте на земли вплоть до Тихого океана. Поэтому историческая Сибирь не вполне совпадает с теми географическими и административными границами, к которым привык современный читатель.

Именно в таком широком историческом смысле слово «**Сибирь**» будет употребляться в этой книге. Для нас история Сибири не заканчивается там, где на современной карте начинается Дальний Восток. Русское движение к Амуру и Тихому океану было продолжением того же многовекового процесса продвижения на восток, хотя в разные эпохи его формы, цели и участники существенно менялись.

Популярная история особенно любит героев и даты. В случае Сибири это почти неизбежно приводит к Ермаку. Его поход действительно стал одним из важнейших событий XVI века, но если смотреть на несколько последующих столетий через фигуру одного атамана, история приобретает подозрительно простой вид: казаки перевалили через Урал, победили хана Кучума — и Сибирь стала русской.

В действительности всё было гораздо дольше и интереснее.

Уже классические исследования С. В. Бахрушина существенно усложнили старую картину исключительно военно-государственного завоевания. Он показал огромную роль торговых и промышленных людей, которые двигались на восток, иногда опережая государственную

администрацию. Его исследования описывают целый мир промышленников, торговцев, служилых людей и «слободчиков», а не только череду военных экспедиций. При этом последующая советская редакция его трудов сама полемизировала с Бахрушиным, считая, что он, напротив, преувеличил роль торгово-промышленного населения и уделил недостаточно внимания крестьянскому заселению.

Для популярной истории этот старый научный спор поучителен. За Урал двигалось не абстрактное «Русское государство». Двигались совершенно конкретные люди, причём по совершенно разным причинам. Одни служили царю, другие искали пушнину и прибыль, третьи землю, четвёртые бежали от прежней жизни, пятых отправляли туда против их воли. Государство пыталось направлять этот поток, облагать его налогами, использовать в своих интересах и контролировать — с весьма различным успехом.

В результате за Уралом возникло общество, которое нельзя описать только как восточное продолжение европейской России.

Расстояния здесь измерялись тысячами вёрст. Связь с центральной властью занимала месяцы. Города существовали в окружении громадных слабозаселённых пространств. Население постоянно перемещалось. Старые социальные порядки переносились сюда из Европейской России, но неизбежно менялись под воздействием новой среды. Современные исследователи поэтому обращают внимание не только на административное присоединение Сибири, но и на гораздо более продолжительный процесс её хозяйственного и культурного освоения, адаптации переселенцев и формирования особой сибирской территориальной идентичности.

Так появилась старая Сибирь, о которой пойдёт речь в этой книге.

Здесь возникает вопрос, который на первый взгляд кажется совсем простым: **кто населял русскую Сибирь?**

Можно ответить: русские. Но этим проблема скорее обозначается, чем решается.

За несколько веков переселенческое население Сибири само стало неоднородным. Были казаки и крестьяне, служилые люди и посадские, старообрядцы и православные, ссыльные и добровольные переселенцы. Возникали старожильческие группы со своими названиями, особенностями речи, хозяйства и культуры. Менялось и представление людей о самих себе.

Поэтому слова «русский», «сибиряк», «старожил», «казак» или «чалдон» нельзя механически считать обозначениями одного и того же порядка. Одно могло обозначать происхождение, другое — территориальную принадлежность, третье — сословное положение, четвёртое — особую локальную или этнокультурную группу. Границы между ними тоже менялись.

Эта книга не собирается разрешать несколькими эффектными фразами споры, которыми занимаются историки и этнографы. Напротив, одна из её задач — показать, **как постепенно формировалось население старой Сибири**, вместо того чтобы заранее объявить его однородной массой.

При этом необходимо сразу обозначить границы нашего рассказа. Это не история всех народов Северной Азии. Истории татар, хантов, манси, селькупов, эвенков, якутов, бурят, чукчей и множества других коренных народов вполне заслуживают самостоятельного рассказа, в котором они будут действующими лицами собственной истории, а не появятся лишь в тот момент, когда встретились с русскими. Здесь они неизбежно будут присутствовать там, где без их участия невозможно понять историю русского продвижения и формирование сибирского общества, но основной предмет этой книги другой: **общество, возникшее в Сибири в результате русского заселения XVI–XIX веков**.

Есть и другая причина вновь рассказать эту историю.

Сибирь очень легко описывать сверху. Москва, а позднее Петербург принимают решение; выходит указ; назначается воевода или генерал-губернатор; проводится административная реформа; основывается город; прокладывается дорога. На карте государства появляется очередная линия.

Но между указом, написанным в столице, и жизнью где-нибудь за несколько тысяч вёрст от неё существовала значительная дистанция — и не только географическая.

Современная историография Российской империи показывает отношения центра и окраин гораздо сложнее простой схемы «власть приказала — население исполнило». Даже центральная бюрократия не всегда была единой; интересы столичных ведомств и местных чиновников могли расходиться, а сами местные общества состояли из групп с различными интересами. Люди сопротивлялись государственным решениям, приспосабливались к ним, сотрудничали с властью и использовали государственные институты в собственных целях.

Для Сибири эта перспектива особенно плодотворна.

Историю региона создавали не только цари, министры и генерал-губернаторы. Её создавали купцы, строившие торговые сети на громадных расстояниях; крестьяне, превращавшие новые земли в пашню; казаки, сочетавшие военную службу с хозяйственной жизнью; мещане и ремесленники сибирских городов; ссыльные, которым Сибирь первоначально вовсе не казалась привлекательным местом для жизни; учителя, врачи, студенты, журналисты и учёные. К XIX веку у Сибири появилась собственная образованная общественность, способная уже сама рассуждать о том, что представляет собой эта земля и каким должно быть её будущее.

Именно поэтому старая Сибирь интересна не только как история расширения государства. Это ещё и история **возникновения общества**.

У этой книги есть и собственная точка зрения. Автор следует традиции сибирского областничества, прежде всего Григория Потанина, различавшего две колонизации Сибири — вольнонародную и правительственную. Первая совершалась людьми, которые сами двигались на восток: казаками, промышленниками, торговцами, крестьянами, беглецами и переселенцами. Вторая шла вслед за ними в лице воевод, чиновников, налогов, законов, повинностей и административного контроля.

Для областников это различие было принципиальным. Сибирь создавалась не только государством — во многих случаях государство приходило туда, куда люди уже пришли без него. Более того, значительная часть переселенческого движения была связана со стремлением уйти от тех порядков, которые существовали в центре страны. Государственная власть затем догоняла переселенца и заново включала его в систему управления и повинностей.

Эта книга в значительной степени сохраняет областническую оптику. Мы будем различать историю народа, осваивавшего Сибирь, и историю государства, распространявшего на неё свою власть. Отношение к этим двум процессам здесь не вполне симметрично: добровольное переселение, хозяйственное освоение и создание новых местных сообществ рассматриваются преимущественно как созидательный процесс, тогда как деятельность государства — прежде всего как власть, стремившаяся этот процесс контролировать, использовать его результаты и подчинять своему порядку как переселенцев, так и коренное население.

Это, однако, не означает, что дальнейшая история будет подгоняться под заранее подготовленную схему. Народная колонизация могла сопровождаться насилием, конфликтами и эксплуатацией, а государство могло строить дороги, обеспечивать безопасность, организовывать переселение и создавать институты, без которых жизнь огромного региона была бы невозможна. Различение двух колонизаций — не распределение исторических персонажей на добрых и злых, а исходная перспектива, позволяющая увидеть, что интересы государства и людей, населявших Сибирь, далеко не всегда совпадали.

О Сибири написано огромное количество научной литературы. Есть фундаментальные многотомные истории, специальные исследования колонизации, государственного управления, хозяйства, городов, крестьянства, ссылки и общественной мысли. Одному человеку трудно прочесть даже небольшую часть этого массива — да большинству людей это и не нужно.

Между энциклопедической справкой на несколько страниц и многотомной академической историей остаётся место для другого жанра.

Эта книга задумана именно как такой рассказ.

Она не претендует на исчерпывающую историю Сибири и тем более не пытается заменить специальную литературу. Здесь не будет длинной последовательности историографических споров, десятков ссылок на каждой странице и обязательного перечисления всех административных преобразований. Основные использованные работы будут приведены в конце книги, чтобы заинтересовавшийся читатель мог продолжить знакомство с темой самостоятельно.

Но популярность изложения не означает, что история должна становиться проще, чем была на самом деле.

Наоборот, **«Старая Сибирь» — попытка рассказать сложную историю простым языком:** без превращения русского продвижения на восток ни в бесконечный героический эпос, ни в столь же однолинейную историю насилия и угнетения. В этой истории хватало и того и другого, а кроме них — торговли, труда, авантюры, бюрократической нелепости, конфликтов, сотрудничества, переселений, смешения культур и обычной человеческой жизни.

За четыреста лет несколько поколений людей превратили пространство, которое для московского человека XVI века находилось почти за пределами известного мира, в страну городов и деревень, дорог и ярмарок, университетов и газет — страну, жители которой всё чаще называли себя не просто выходцами из России, а **сибиряками**.

Цель этой книги довольно проста: рассказать, **как возникла старая Сибирь и каким было созданное здесь общество**.

Такое определение сразу ограничивает нашу задачу. Это не полная история Сибири от первых людей до современности. Для подобного предприятия потребовалось бы несколько томов — собственно, именно так и поступали авторы академической «Истории Сибири», первый том которой начинается с палеолита, а последующие доводят повествование до XX века. Нас интересует гораздо более короткий, но по-своему цельный период: несколько столетий, в течение которых за Уралом возникло русское старожильческое общество со своими городами и деревнями, хозяйством и культурой, социальными группами и местными традициями.

Начальная граница книги поэтому определяется достаточно естественно — **XVI веком**. Разумеется, история Сибири началась не с появления русских. К моменту похода Ермака здесь существовали народы и политические образования с собственной многовековой историей. Академическая «История Сибири» совершенно справедливо посвящает дорусскому периоду отдельный большой том. Но для нашей темы необходимо не пересказывать всю эту историю, а представить тот мир, с которым встретились первые русские. Поэтому рассказ о Сибири накануне русского продвижения войдёт в первые главы книги как необходимый исходный фон.

Конечной границей станет **конец XIX века**. Эта дата несколько условна: исторические эпохи вообще редко заканчиваются аккуратно в последний день столетия. Многие процессы, о которых пойдёт речь, продолжались и после 1900 года. Массовое переселение, развитие железных дорог и городов, политические движения начала XX века были прямым продолжением XIX столетия. Поэтому иногда нам придётся заглядывать немного вперёд. Однако революции, Гражданская война, советская индустриализация и превращение Сибири в один из крупнейших индустриальных районов страны создали уже совсем другую Сибирь. Это другая история.

Таким образом, перед нами примерно триста лет — от первых русских походов за Урал до общества, вступившего в XX век.

Но три столетия можно рассказать по-разному.

Самый очевидный способ — двигаться от Ермака к Транссибирской магистрали год за годом, царствование за царствованием. Такой рассказ позволяет увидеть последовательность событий, но имеет существенный недостаток. За войнами, реформами и датами легко потерять самих людей. Можно подробно знать, когда была учреждена очередная губерния, и при

этом плохо представлять, как выглядела обычная сибирская деревня, чем занимался городской купец или почему чиновник, получивший распоряжение из Петербурга, иногда выполнял его совсем не так, как предполагали авторы документа.

Можно поступить наоборот и написать историю сибирского общества: отдельно рассказать о власти, городах, казаках, крестьянах, торговле, семье, пище, одежде и местных обычаях. Но тогда исчезнет движение времени. Сибирь XVI века и Сибирь XIX века окажутся искусственно поставлены рядом, хотя между ними лежали три столетия огромных перемен.

Поэтому книга разделена на **две равные части**.

Первая часть рассказывает историю старой Сибири **во времени**. Вторая рассматривает её **в пространстве общества**.

Это две разные точки зрения на один и тот же предмет. Сначала мы увидим, **как Сибирь стала такой**, а затем — **как она была устроена**.

Первая часть построена хронологически и состоит из двенадцати глав — по три главы на каждое столетие от XVI до XIX века.

Это деление намеренно сделано простым. Историки могут предложить гораздо более изощрённую периодизацию: по этапам продвижения на восток, изменениям государственного управления, хозяйственного освоения или переселенческого движения. Для научного исследования такая периодизация бывает необходима. Для нашего рассказа важнее, чтобы читатель не потерялся в многочисленных рубежах и всегда понимал, где именно он находится во времени.

XVI век станет временем встречи двух историй. Сначала придётся увидеть Сибирь непосредственно перед русским продвижением: Сибирское ханство, соседние народы, существовавшие политические и хозяйственные связи. Затем появятся Строгановы и Ермак, а вслед за первым походом — уже значительно менее легендарный, но гораздо более важный процесс закрепления русских за Уралом.

XVII век — столетие стремительного движения через континент. Именно здесь особенно хорошо видно различие народной и государственной колонизации, о котором говорилось выше. Промышленники, торговые и служилые люди двигались по рекам, искали пушнину и новые промысловые районы, основывали зимовья и поселения; государство распространяло вслед за этим свою административную и налоговую систему. Уже Бахрушин показал, насколько недостаточно представлять этот процесс только как последовательность военных экспедиций: огромную роль в нём играли торгово-промышленные люди, зачастую двигавшиеся впереди правительственных отрядов. К концу столетия русские достигли Тихого океана, а первоначальная западносибирская Сибирь превратилась в пространство почти континентального масштаба.

XVIII век будет прежде всего временем обживания. Эпоха землепроходцев постепенно уступала место эпохе более устойчивого хозяйства, растущих городов, деревень и дорог. Государство всё плотнее охватывало регион своими учреждениями, одновременно пытаясь понять, чем вообще следует считать эту громадную территорию и как ею управлять. Начиналась новая стадия взаимоотношений между Сибирью и имперским центром.

Наконец, **XIX век** приведёт нас к зрелой старой Сибири. Население росло, хозяйственные связи усложнялись, города становились центрами общественной и культурной жизни. Ссылка превратилась в одно из наиболее известных явлений сибирской истории. Возник университет, появилась развитая печать и собственная интеллигенция. Сибиряки начали не только жить в Сибири, но и всё настойчивее размышлять о ней как об особой стране. Именно в этом столетии возникло областничество — попытка осмыслить исторический опыт Сибири уже из самой Сибири.

В конце XIX века железная дорога окончательно нарушила ту пространственную изоляцию, которая на протяжении столетий была одним из главных условий сибирской жизни. Старая Сибирь ещё существовала, но мир вокруг неё быстро менялся.

После этого мы вернёмся назад и посмотрим на те же столетия иначе.

Вторая часть состоит из 11 глав, но хронология здесь перестаёт быть главным организующим принципом. Вместо четырёх веков перед нами окажутся три мира: **начальство, город и деревня.**

Слово «**начальство**» здесь выбрано намеренно. Речь пойдёт не просто о списке генерал-губернаторов и административных реформ. Нас интересует государство таким, каким его видела Сибирь, и Сибирь такой, какой её видело государство.

Управлять пространством от Урала до Тихого океана из Москвы, а затем из Петербурга было чрезвычайно трудно. Центр делил и переделывал территорию, учреждал губернии и генерал-губернаторства, создавал и упразднял органы управления, вводил налоги и повинности, организовывал ссылку и пытался контролировать переселение. Современные исследователи подчёркивают, что административная география Сибири сама была инструментом имперской политики: власть не просто управляла существующим регионом, но своими решениями формировала его пространство.

Однако между столичным распоряжением и его исполнением всегда находились тысячи вёрст, местные обстоятельства и сами чиновники. Поэтому четыре главы о начальстве будут одновременно рассказом о силе государства и о пределах этой силы.

Второй мир — **город.**

Сибирские города первоначально возникали прежде всего как военные и административные пункты, но постепенно начинали жить собственной жизнью. Здесь торговали купцы, работали ремесленники, жили мещане, служили чиновники. Здесь появлялись школы, библиотеки, газеты, театры и общественные организации. В XIX веке город породил интеллигенцию и ту среду, в которой стало возможным само сибирское областничество.

Именно город позволяет увидеть общество между государством и деревней. Здесь особенно хорошо заметно, что история Сибири не сводилась ни к действиям администрации, ни к движению крестьян на новые земли. Постепенно возникала собственная публичная жизнь, а вместе с ней — способность сибирского общества говорить о самом себе.

Третий мир — **деревня.**

Именно здесь жило большинство населения, и именно здесь особенно долго сохранялись особенности старой Сибири. Нас будут интересовать заселение и земледелие, устройство сельского общества, семья и повседневность, пища и одежда, праздники и представления о мире. Но главным станет вопрос о самих людях.

За несколько столетий из разнородных потоков переселенцев складывалось старожильческое население. Возникали местные группы, традиции и говоры. Казак, старообрядец, чалдон, поздний переселенец из Европейской России могли жить относительно недалеко друг от друга и при этом принадлежать к заметно различавшимся культурным мирам.

Поэтому последние три главы станут в известной степени возвращением к вопросу, поставленному в начале книги: **кто такие сибиряки?**

Однозначного ответа на него не будет. История редко предоставляет такие ответы.

Деление книги на две части неизбежно приводит к некоторым возвращениям.

Например, реформы Сперанского сначала появятся в хронологическом рассказе о XIX веке как историческое событие, а затем мы вернёмся к ним в разговоре о сибирской системе управления. Областничество сначала возникнет как явление второй половины XIX века, а позднее появится снова, когда речь пойдёт о городской интеллигенции и формировании сибирского самосознания.

Это не повторение одной и той же истории дважды. В первом случае нас интересует **событие и его последствия**, во втором — **место явления в устройстве общества.**

Так построена вся книга.

Двенадцать глав первой части должны дать читателю хронологический скелет старой Сибири. Одиннадцать глав второй — наполнить его людьми и повседневной жизнью.

В результате мы попробуем увидеть Сибирь одновременно сверху и снизу: глазами правительства и переселенца, чиновника и крестьянина, городского купца и казака, человека, впервые ушедшего за Урал, и его потомка, который через несколько поколений уже считал Сибирь своей родиной.

Потому что история старой Сибири — это не только история того, **как Россия пришла в Сибирь.**

Это ещё и история того, **как в Сибири появились сибиряки.**

Глава 1. Сибирь до русских

1.1. Земля размером с материк

Если посмотреть на современную карту России, слово «Сибирь» кажется совершенно естественным. За Уралом начинается огромное пространство, которое тянется на тысячи километров к востоку. Но эта привычная карта способна обмануть. До появления русских никакой единой страны под названием Сибирь от Урала до Тихого океана не существовало. Не было ни общей границы, ни единого государства, ни одного народа, населявшего всю эту территорию.

Была Северная Азия — громадный и чрезвычайно разнообразный мир.

Само название «Сибирь» первоначально относилось к гораздо меньшей территории. Только позднее, вместе с движением русских на восток, оно стало распространяться на всё новые земли, пока не охватило значительную часть Северной Азии. Поэтому, говоря в этой главе о «древней Сибири», мы используем современное обобщающее название. Человек, живший на берегу Лены или возле Байкала за тысячу лет до Ермака, конечно, вовсе не обязан был считать себя жителем какой-то единой Сибири.

Это важно помнить с самого начала. История Сибири древнее самого понятия Сибири.

За Камнем

Западная граница нашего пространства выглядит на карте особенно внушительно — Уральские горы. Однако всякий, кто представляет себе Урал исключительно по фотографиям суровых скал Северного и Приполярного Урала, может получить неверное представление. В средней части горная система сравнительно невысока и проходима. Урал разделял бассейны великих рек и создавал естественную границу, но никогда не был непроницаемой стеной.

Через него проходили люди, товары и сведения задолго до русской колонизации.

Для жителей европейского северо-востока Урал был **Камнем**. За Камнем лежал другой мир — огромный, богатый пушниной и связанный речными дорогами, которые уходили на тысячи километров в глубь материка. Позднее именно эти дороги во многом определяют направления русского продвижения.

Сразу за Уралом начинается Западно-Сибирская равнина — одно из величайших равнинных пространств Земли. Она кажется удобным местом для движения лишь на современной физической карте. В действительности значительная её часть занята лесами, болотами и бесчисленными водоёмами. Здесь находится одна из крупнейших болотных областей мира.

Но через эту страну проходят Обь и Иртыш со множеством притоков.

Для человека, не имевшего ни железной дороги, ни автомобиля, ни даже сколько-нибудь приличной сухопутной дороги, река была не препятствием, а **дорогой**. Летом по ней шли лодки, зимой замёрзшее русло само превращалось в путь. Реки связывали между собой поселения, охотничьи территории и торговые центры.

Поэтому карту старой Сибири полезно мысленно перевернуть. Современному человеку дороги кажутся линиями, соединяющими города, а реки — природными объектами между ними. Для значительной части древней и средневековой Сибири именно речная система была основной сетью сообщений, а поселения располагались вдоль неё.

Позднее это обстоятельство окажется одним из секретов невероятно быстрого продвижения русских через Северную Азию. Но речные пути существовали задолго до них и были хорошо известны местному населению.

Царство великих рек

За Обью начинается следующая огромная речная система — Енисей. Ещё восточнее лежит бассейн Лены. Далее к Тихому океану текут Яна, Индигирка и Колыма, а на юго-востоке

Амур собирает воды громадной территории и несёт их уже не в Северный Ледовитый, а в Тихий океан.

Эти реки создавали естественные области расселения и общения.

Между ними, однако, лежали водоразделы, горы и пространства, которые иногда гораздо труднее было пересечь, чем можно предположить по расстоянию на карте. Поэтому две группы людей, формально жившие в нескольких сотнях километров друг от друга, могли быть связаны слабее, чем поселения, разделённые гораздо большим расстоянием, но находившиеся на одной речной системе.

География здесь непосредственно становилась историей.

Особенно заметно это различие между севером и югом.

На севере тянулась тундра, южнее — огромный пояс тайги. Ещё дальше к югу лес постепенно уступал лесостепи и степи. А вдоль южной окраины Сибири поднимались Алтай, Саяны и другие горные системы.

Эти зоны нельзя считать отдельными мирами с непроходимыми границами. Люди перемещались между ними, торговали, воевали, заключали браки, заимствовали технологии и элементы культуры. Но природные условия задавали очень разные возможности для жизни.

На Крайнем Севере земледелие было практически невозможно. Здесь огромное значение приобретали охота, рыболовство, а у ряда народов — оленеводство. Таёжные районы представляли лес, рыбу и особенно пушного зверя. Южная лесостепь и степь позволяли заниматься скотоводством, а в подходящих местах — земледелием.

Именно поэтому будущая русская колонизация разных частей Сибири тоже пойдёт совершенно неодинаково.

Где-то русские будут прежде всего искать меха. Где-то появятся пашенные крестьяне. Где-то основой жизни станут торговля и обслуживание путей. А огромные пространства ещё долго останутся районами, где русское присутствие будет представлено несколькими маленькими острогами и зимовьями среди несравнимо большей территории.

Южная Сибирь и большой мир

Представление о древней Сибири как о далёкой северной окраине особенно плохо работает применительно к её югу.

Южная Сибирь была связана с Центральной Азией, Монголией, степями Казахстана и через них — с гораздо более далёкими странами. По степному поясу Евразии веками перемещались народы, армии, торговцы, технологии и идеи. Возникали и исчезали огромные политические объединения.

Алтай, Минусинская котловина, Забайкалье и соседние территории поэтому вовсе не представляли собой забытый край тогдашнего мира. Они участвовали в истории великого степного пространства Евразии.

Археология древней Сибири показывает существование здесь сложных обществ задолго до появления письменных сведений о многих из них. Академическая «История Сибири» начинает рассказ о регионе именно с глубокой древности и рассматривает его археологическую историю как многотысячелетний процесс, а не как предисловие к русскому завоеванию.

В дальнейшем степной мир будет особенно важен для нашей истории. Из него возникнут политические образования, с которыми столкнутся русские. Через него будут проходить торговые связи. Оттуда будут приходить армии и переселенцы.

Сибирь была окраиной для Москвы. Но Москва не была центром мира для Сибири.

До XVI века многие её южные районы были значительно теснее включены в центральноазиатские политические и культурные связи, чем в какие-либо отношения с далёкими русскими землями.

Байкал и земля к востоку от него

Примерно в центре громадного пространства лежит Байкал.

Само озеро настолько велико, что на карте выглядит почти как естественная граница между двумя частями страны. Однако и здесь география сложнее простого деления на запад и восток. Ангара связывает Байкал с Енисеем, Селенга ведёт к Монголии, а горные проходы открывают пути дальше в Забайкалье.

К востоку природная картина становится всё более сложной. Здесь равнины сменяются нагорьями и горными системами, а речные бассейны ведут уже не только к Северному Ледовитому океану.

Дальше лежит бассейн Амура — особый исторический мир, связанный одновременно с Сибирью, Монголией, Маньчжурией и тихоокеанским побережьем.

Именно здесь особенно ясно становится, насколько условно современное разделение исторического пространства на «Сибирь» и «Дальний Восток». Для нашего рассказа движение русских от Енисея к Лене, от Лены к Охотскому морю и Амуру будет одной продолжающейся историей продвижения на восток. Поэтому и Сибирь в этой книге понимается широко — от Урала до Тихого океана.

Не пустая земля

Есть старая и очень удобная иллюзия: чем меньше людей живёт на территории, тем более она «пустая».

Сибирь действительно никогда не отличалась высокой плотностью населения. Природные условия большей части региона просто не позволяли содержать такое количество людей, какое могло жить в плодородных земледельческих районах Европы, Китая или Индии. Огромные расстояния между поселениями были обычным явлением.

Но малонаселённая земля — не то же самое, что ничейная земля.

Охотнику требуется гораздо большая территория, чем земледельцу. Оленеводу необходимы пространства для сезонного перемещения стад. Рыболовные участки, охотничьи угодья, пастбища и пути перекочёвок могли использоваться поколениями, даже если на европейский взгляд вокруг не существовало ни города, ни пашни, ни постоянной деревни.

Эта разница представлений позднее будет иметь огромное историческое значение.

Для пришлого земледельца лес мог выглядеть как неосвоенное пространство, ожидающее человека с топором и сохой. Для жившего здесь охотника тот же лес уже был освоенным пространством: он знал реки, зимние дороги, места промысла, стоянки зверя и границы соседних угодий.

Поэтому слова **«освоение Сибири»**, которые нам ещё много раз придётся употреблять, требуют осторожности. Русские действительно осваивали Сибирь — но осваивали её **для себя**. Они создавали новые поселения, пашни, промыслы и дороги. Это не означает, что до их прихода территория никем не использовалась и не имела собственной истории.

Тем более что сама природа Сибири давно была частью человеческой деятельности. Люди приспособлялись к ней, меняли способы хозяйства, перемещались вслед за животными, обменивались продуктами разных природных зон. Их мир был устроен иначе, чем мир будущего русского крестьянина, но от этого не становился менее человеческим.

Много Сибирей

Итак, перед нами не одна Сибирь, а множество Сибирей.

Тундровая Сибирь отличалась от таёжной. Таёжная — от степной. Западносибирские речные равнины — от гор Южной Сибири. Байкальский мир — от бассейна Амура. Северо-восточное побережье жило совсем не так, как земли по Иртышу.

Этому природному разнообразию соответствовало разнообразие человеческое.

Здесь говорили на языках нескольких больших языковых семей и на языках, не похожих на языки соседей. Одни общества основывали своё хозяйство преимущественно на охоте и рыболовстве, другие разводили скот, третьи сочетали разные занятия. Существовали неболь-

шие локальные сообщества и большие политические объединения. Одни народы веками жили примерно в одном регионе, другие перемещались на громадные расстояния.

И отношения между ними отнюдь не всегда были мирными. Дорусская Сибирь не была потерянном царством всеобщего согласия, которое разрушили пришельцы. Здесь существовали войны, зависимость одних групп от других, даннические отношения, борьба за территории и торговые пути. В разные эпохи возникали государства и союзы, расширявшие свою власть на соседей.

Но столь же ошибочно было бы смотреть на эти общества как на некую предварительную ступень истории, ожидавшую появления более «развитого» народа.

У каждого из них была собственная история.

Рассказать её сколько-нибудь добросовестно в одной главе невозможно. Поэтому эта книга и не будет пытаться превращать десятки коренных народов Сибири в несколько страниц введения к истории русских. Их происхождение, культуры, общества и судьбы заслуживают отдельной книги. Здесь мы лишь познакомимся с ними настолько, насколько это необходимо для понимания мира, в который позднее пришли русские.

А пока русских здесь нет.

Нет Тобольска и Томска. Нет Красноярска, Иркутска, Якутска и Владивостока. Нет Сибирского тракта. Нет губерний и генерал-губернаторов. Нет каторги, Транссиба и самого привычного нам представления о Сибири.

Есть великие реки, леса, степи и горы. Есть множество народов. Есть торговые пути и войны, древние культуры и государства.

И есть несколько тысяч километров пространства, которому ещё только предстоит получить одно общее имя.

1.2. Самые древние сибиряки

Когда в Сибири появился первый человек, мы точно не знаем. И это хороший повод начать разговор о её древнейшей истории с предупреждения: чем дальше мы уходим в прошлое, тем меньше у нас письменных свидетельств и тем большую роль играет археология. От древнейших сибиряков не осталось летописей, имён правителей или рассказов о войнах. Остались каменные орудия, кости животных, очаги, жилища, погребения и произведения искусства.

По этим следам археологи восстанавливают историю, которая измеряется уже не веками, а десятками тысяч лет.

Академическая «История Сибири», изданная в 1968 году, осторожно замечала, что точное время первоначального заселения региона остаётся неизвестным, а движение людей в Сибирь шло не из какого-то одного места: авторы предполагали несколько направлений — из Восточной Европы, Средней, Центральной и Восточной Азии. За прошедшие десятилетия археология значительно продвинулась вперёд, появились новые находки и новые датировки, но сама общая картина стала скорее ещё сложнее. Северная Азия с глубокой древности была не тупиком на краю мира, а пространством перемещений человеческих популяций.

Нам, однако, не понадобится подробная экскурсия по всем археологическим эпохам. От первых людей до появления русских за Уралом лежит настолько громадный промежуток времени, что его полное описание составило бы отдельную книгу. Попробуем увидеть лишь несколько главных перемен.

Люди ледниковой эпохи

Сибирь палеолита выглядела совсем не так, как современная.

Климат неоднократно менялся. Ледниковые и более тёплые периоды сменяли друг друга, вместе с ними менялись растительность и животный мир. Там, где современный путешественник увидел бы тайгу, могли простираться открытые холодные пространства. По ним бродили мамонты, шерстистые носороги, северные олени, бизоны и другие крупные животные.

Рядом с ними жил человек.

Это не был беспомощный дикарь, случайно забредший слишком далеко на север. Чтобы существовать в условиях ледниковой Северной Азии, требовались довольно сложные знания. Нужно было понимать сезонное поведение животных, уметь добывать и сохранять пищу, изготавливать одежду и орудия, поддерживать огонь и строить укрытия. Главное же — всё это знание должно было передаваться от поколения к поколению.

Одними из самых знаменитых памятников сибирского палеолита стали стоянки **Мальта и Буреть** возле Ангары. Именно на материалы этих стоянок постоянно обращали внимание исследователи древней Сибири.

Мальта особенно интересна потому, что сохранила не только следы хозяйственной деятельности. Здесь были найдены небольшие художественные изображения, украшения и погребения. Люди ледникового времени уже жили не одним вопросом о том, где раздобыть следующий кусок мяса.

У них существовал символический мир.

Они украшали вещи и собственное тело, хоронили умерших определённым образом, создавали изображения людей и животных. Мы не можем спросить их, что именно означали эти изображения. Попытки уверенно восстановить религию людей каменного века по нескольким фигуркам обычно говорят о фантазии исследователя не меньше, чем о самих древних людях. Но одного факта достаточно: перед нами уже полноценная человеческая культура.

Исследователи Ангары отмечали и относительную устойчивость поселений верхнего палеолита. Их обитатели не обязательно представляли собой бесконечно кочующие маленькие группы, которые каждый вечер устраивали новый лагерь. Некоторые сообщества возвращались

к удобным местам или жили там достаточно долго, создавая сравнительно устойчивые поселения. Академическая «История Сибири» характеризовала такой образ жизни как своеобразный полуседлый уклад.

На краю двух материков

У древнейшей истории Сибири есть ещё одна особенность, придающая ей всемирное значение.

Если двигаться через Сибирь всё дальше на северо-восток, мы придём к Берингову проливу. Сегодня между Азией и Америкой находится море. Но уровень Мирового океана в ледниковую эпоху был значительно ниже, и в определённые периоды на месте современного пролива существовала огромная область суши — Берингия.

Азия и Америка соединялись.

Именно через северо-восточную Азию предки значительной части древнейшего населения Америки смогли попасть на другой материк. Детали этого процесса, его датировка и число миграционных волн остаются предметом исследований, но для нашей истории важен сам масштаб происходившего.

Сибирь, которую позднейший европейский взгляд часто представлял далёким концом обитаемого мира, в глубокой древности оказалась **мостом между Старым и Новым Светом**.

Люди двигались не потому, что перед ними лежала нарисованная на карте цель «заселить Америку». Они следовали за животными, искали новые охотничьи территории и постепенно осваивали соседние пространства. Одно поколение могло переместиться совсем недалеко. Но за сотни и тысячи лет такие движения изменяли человеческую географию целых континентов.

Сибирская история с самого начала была историей движения.

После мамонтов

Окончание ледниковой эпохи радикально изменило привычный мир.

Климат становился теплее. Менялись природные зоны. Исчезали многие представители крупной ледниковой фауны. Распространялись леса. Людям приходилось приспосабливаться к новым условиям.

Вместо сравнительно открытых пространств со стадами крупных животных всё большее значение приобретал лесной мир. Охота становилась разнообразнее, возрастала роль рыболовства. Реки и озёра давали стабильный источник пищи и одновременно служили путями сообщения.

Менялись орудия. Появлялись новые способы обработки камня, совершенствовалось охотничье оружие. Позднее распространялась керамика.

Но сама последовательность привычных школьных слов — «палеолит, мезолит, неолит» — может создать ложное впечатление, будто всё человечество двигалось по одной лестнице развития и просто находилось на разных её ступенях.

История Сибири особенно хорошо показывает слабость такой картины.

То, что для древнего земледельца южной страны могло казаться необходимым признаком цивилизованной жизни, охотнику сибирской тайги могло быть просто не нужно. Человек способен великолепно знать свою территорию, создавать сложную материальную и духовную культуру и при этом не выращивать пшеницу и не строить каменные города.

Общество следует оценивать не по тому, насколько оно похоже на Европу XIX века, а по тому, насколько успешно оно решает задачи собственной жизни.

Металл приходит в Сибирь

Постепенно древний мир становился всё сложнее.

В южных районах развивалось скотоводство, распространялась металлургия, усиливались связи между удалёнными территориями. Медь и бронза, а позднее железо изменяли

хозяйство и вооружение. Вместе с технологиями перемещались люди, идеи и художественные традиции.

Особенно богатую археологическую историю имеют Алтай, Хакасия и Минусинская котловина. Здесь одна культура сменяла другую, оставляя поселения, могильники, оружие, украшения и огромные курганы.

Именно курганы стали одним из наиболее заметных следов древнего населения юга Сибири.

Некоторые из них были сооружениями, требовавшими труда множества людей. А богатство отдельных погребений свидетельствует о том, что общество давно перестало быть миром небольших равноправных групп охотников. Появлялась знать, накапливались богатства, возникали сложные социальные различия.

Наиболее знаменитые находки такого рода связаны с Алтаем. Благодаря вечной мерзлоте в некоторых погребениях сохранились вещи, которые обычно почти никогда не переживают тысячелетия: дерево, войлок, одежда и даже человеческие тела.

Внезапно археологический человек перестаёт быть набором наконечников стрел и обломков горшков.

Мы можем увидеть его одежду. Украшения. Татуировки. Конскую сбрую. Предметы, которые он считал достаточно ценными, чтобы взять их с собой в иной мир.

Эти находки напоминают о простой вещи: древность была настоящей жизнью. Люди любили красивую одежду, демонстрировали богатство и положение, верили в сверхъестественное, воевали, торговали и хоронили близких.

Сибирь и Великая степь

К железному веку юг Сибири уже невозможно рассматривать отдельно от огромного мира евразийских степей.

От Причерноморья через степи Центральной Азии до Монголии существовал широкий пояс, по которому сравнительно быстро распространялись технологии, художественные мотивы и формы вооружения. Особенно важным стало развитие коневодства.

Лошадь радикально меняла пространство.

Для пешего человека сотни километров — огромное расстояние. Для общества всадников они уже не были непреодолимыми. Люди могли быстрее перемещаться, контролировать большие территории, перегонять стада, торговать и воевать на значительном удалении от дома.

Возник мир степных обществ, границы которых постоянно двигались.

Из школьного учебника может сложиться впечатление, будто кочевые народы только время от времени появлялись возле границ «настоящих» земледельческих цивилизаций, нападали на них, а затем исчезали обратно в степи. В действительности степь имела собственную политическую историю. Здесь возникали большие союзы и государства, существовали социальные иерархии, дипломатия и дальняя торговля.

Южная Сибирь была частью этого мира.

Именно отсюда в следующих эпизодах нашего рассказа появятся народы и государства, уже известные не только по археологическим находкам, но и по письменным источникам соседних цивилизаций.

От вещей к именам

Это один из важнейших переходов в древней истории.

Археолог может установить, что две группы людей изготавливали разную керамику или хоронили умерших различным образом. Но гораздо труднее ответить на вопрос, **как эти люди называли сами себя и на каком языке разговаривали.**

Археологическая культура — не то же самое, что народ.

Эту оговорку стоит запомнить. Красивое название, которое археологи дали культуре по месту первой находки, легко начинает восприниматься как название древнего племени. Но

сходные горшки ещё не делают всех изготовивших их людей единой этнической общностью. И наоборот, один народ способен за несколько столетий изменить материальную культуру настолько, что археологические следы будут выглядеть совсем иначе.

Чем ближе мы подходим к нашей эре, тем чаще археология встречается с письменными свидетельствами.

Китайские хроники сообщают о народах и государствах Центральной Азии и Южной Сибири. Появляются названия, политические события, правители, войны и дипломатические отношения. Мы постепенно переходим из мира, где человек известен нам по могиле и орудиям, в мир письменной истории.

Но и здесь требуется осторожность. Почти всегда первые письменные сведения о народе оставляли **его соседи**. Они записывали чужие названия на своём языке, смотрели на чужие обычаи своими глазами и особенно подробно замечали то, что интересовало их собственное государство: войны, посольства, дань, торговлю.

История становилась виднее — но не обязательно проще.

Тысячи лет за несколько страниц

Мы сейчас совершили путешествие, которое в действительности заняло десятки тысяч лет.

Это неизбежно несправедливо к древней истории Сибири. Каждому из упомянутых периодов посвящены тысячи научных работ. О многих археологических культурах можно написать отдельную книгу. Новые раскопки продолжают менять представления о возрасте стоянок, миграциях и связях между древними обществами.

Но наша задача другая.

Нам важно было избавиться от представления о том, что до появления русских за Уралом существовала какая-то неподвижная доисторическая пустота.

К XVI веку люди жили здесь уже многие тысячелетия. За это время менялся климат, исчезали животные ледниковой эпохи, возникали и исчезали культуры, распространялись новые технологии, происходили миграции. Сибирь связывала Европу и Восточную Азию, степь и тайгу, а в глубокой древности стала одним из путей человеческого движения в Америку.

И главное — этот процесс не закончился.

Народы, которых позднее встретят русские, тоже не были остатками каменного века, чудесным образом сохранившимися до эпохи огнестрельного оружия. За их спиной находилась столь же долгая история изменений, переселений, смешений и конфликтов.

Теперь нам пора перейти от археологических культур к **народам Сибири** — к тем, кто населял эту огромную страну накануне событий, с которых начинается основная история нашей книги.

1.3. Народы Сибири

Если древнейшего жителя Сибири археолог обычно встречает возле очага или в погребении, то по мере приближения к XVI веку положение меняется. Перед нами появляются народы, многие из которых существуют и сегодня. Их названия встречаются в письменных источниках, их языки изучены, а позднейшие русские документы позволяют довольно подробно восстанавливать расселение отдельных групп. Особенно ценными для этого оказались первые ясачные книги XVII века.

Но здесь нас подстерегает другая опасность.

Очень легко превратить Сибирь в этнографическую карту: здесь ханты, здесь селькупы, дальше эвенки, ещё восточнее якуты. Получится аккуратно — и довольно далеко от действительности.

Народы перемещались. Границы их расселения менялись. Существовали смешанные территории. Одни группы распадались, другие объединялись, меняли язык или включали пришельцев. Наконец, названия, которыми пользовались первые русские землепроходцы и чиновники, далеко не всегда совпадают с современными.

Поэтому перед нами не музей народов, веками неподвижно сидевших каждый на своей полке. Сибирь XVI века была результатом такой же долгой и запутанной истории миграций, войн, контактов и смешения, какую мы обнаруживаем в любой другой части света.

На западе: ханты, манси и селькупы

Начнём с той стороны, откуда позднее придут русские.

В лесах и лесотундрах Западной Сибири жили народы, которых русские источники долго называли **остяками** и **вогулами**. Сегодня мы называем их хантами и манси.

Их языки принадлежат к угорской ветви уральской языковой семьи. В этом смысле их дальними языковыми родственниками являются венгры. Разумеется, из этого не следует, что ханты XVI века могли разговаривать с венгерским путешественником без переводчика. Родство языков может уходить в настолько глубокое прошлое, что взаимопонимания давно уже нет.

Обь, Иртыш и их притоки определяли значительную часть хозяйственной жизни региона. Рыболовство, охота и сезонные перемещения были приспособлены к миру рек и лесов. Пушнина представляла собой не только предмет собственного потребления. Она была ценным товаром, связывавшим лесную Сибирь с гораздо более далёкими торговыми системами.

Общество при этом не было совершенно однородным и тем более не состояло из изолированных семей, не знавших никакой власти. Существовали местные князья и объединения, способные собирать людей для войны, вступать в союзы и собирать дань.

Это обстоятельство вскоре станет чрезвычайно важным.

Когда русские начнут устанавливать свою власть над Западной Сибирью, они столкнутся не просто с отдельными охотниками, разбросанными по тайге, а с уже существовавшими отношениями зависимости, власти и дани. Московскому государству во многих случаях окажется проще не разрушить эту систему целиком, а встроиться в неё.

По соседству жили **селькупы** — самодийский народ, исторически связанный прежде всего с бассейнами средней Оби и Таза. Русские источники называли их остяко-самоедами, что сегодня способно окончательно запутать неподготовленного читателя: «остяками» могли обозначать совершенно разные народы.

Поэтому при чтении старых документов современному человеку постоянно приходится переводить не только слова, но и саму систему этнических названий.

Север: жизнь там, где нельзя пахать

Чем дальше на север, тем меньше возможностей оставалось для земледелия.

Но из этого совершенно не следовало, что человек там существовать не мог.

На огромных пространствах тундры и лесотундры жили **ненцы**, восточнее — **энцы** и **нганасаны**. Их языки вместе с селькупским относятся к самодийской ветви уральской семьи. Уже одно это родство показывает, насколько широко расходились в процессе исторических миграций группы, имевшие когда-то более тесные связи.

Север требовал особого хозяйства.

Охота, рыболовство и использование северного оленя позволяли жить там, где попытка устроить обычную земледельческую деревню закончилась бы довольно быстро и печально. Оленеводство обеспечивало пищу, одежду и транспорт, однако его формы у разных северных народов различались и сами менялись со временем.

Позднейший европейский наблюдатель часто смотрел на такое хозяйство как на свидетельство бедности и «отсталости». В действительности перед нами была чрезвычайно специализированная система приспособления к природным условиям.

Попробовать выращивать пшеницу в тундре было бы не прогрессом, а глупостью.

Северный житель умел существовать в среде, где плохо подготовленный человек из более тёплых областей мог погибнуть за несколько дней. Он знал маршруты животных, свойства снега и льда, сезонные изменения погоды, реки и побережья. Это было знание другого типа, чем книжная грамотность, но от этого оно не становилось менее сложным.

Енисей и загадка кетов

В бассейне Енисея русские позднее встретят народ, занимающий особое место на языковой карте Сибири, — **кетов**.

Сегодня кетский язык является единственным сохранившимся представителем енисейской языковой семьи. Когда-то родственные ему языки занимали значительно большую территорию, но большинство из них исчезло.

Это хороший пример того, насколько современная этническая карта отличается от прежней.

Народ или язык, который сегодня представлен сравнительно небольшой группой людей, совершенно не обязательно всегда занимал такое же место. Одни языки распространялись, другие отступали, третьи исчезали, оставляя после себя следы в географических названиях, заимствованиях и культуре соседей.

И здесь особенно опасно пытаться перенести современные национальные границы далеко в прошлое.

Древняя и средневековая Сибирь была языковым миром, который изменялся непрерывно.

Тунгусский мир

Если двигаться дальше на восток, на огромном пространстве мы встречаем народы тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

Наиболее широко расселёнными среди них были **эвенки**, которых русские долго называли тунгусами.

Масштаб их расселения поражает. Различные эвенкийские группы находились от Енисея почти до побережья Тихого океана. Они жили в совершенно разных природных условиях, поэтому и образ жизни разных групп мог заметно различаться.

Такое пространство невозможно представить себе как государство с границами. Это была сеть родственных и культурно близких групп, разбросанных на громадной территории.

Восточнее жили **эвены**, а в Приамурье и на тихоокеанском побережье — нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи и другие народы. Академическая этнографическая классификация объединяла их по языковому родству, хотя исторические судьбы и хозяйство этих обществ могли существенно различаться.

Снова приходится повторить: языковая семья — не государство и не единый народ.

Сходство языков говорит о далёком историческом родстве. Оно не означает общей политической организации и тем более не позволяет автоматически переносить современное представление о национальности на людей XVI века.

Якуты на Лене

Особенно интересная история связана с **якутами**, или саха.

Их язык относится к тюркским, но основная область расселения якутов находилась далеко к северо-востоку от большинства других тюркских народов — прежде всего в бассейне средней Лены.

Это результат длительного исторического движения.

Предки якутов пришли сюда из более южных районов, принеся с собой традиции скотоводческого хозяйства. В совершенно иной природной среде эти традиции пришлось приспособлять к суровому климату Северо-Восточной Сибири.

Так возникло одно из самых своеобразных хозяйственных сочетаний региона.

Лошадь и крупный рогатый скот, привычные скорее для степного мира, оказались далеко на севере. Одновременно якутское население перенимало способы хозяйства и элементы культуры соседних северных народов.

Перед нами опять не изолированный «древний народ», тысячелетиями сохранявший неизменный образ жизни, а результат миграций и культурных контактов.

Позднее якуты станут одним из крупнейших коренных народов Сибири, а Якутия — огромным пространством, через которое русские будут двигаться дальше к Северо-Востоку и Тихому океану.

Но это произойдёт уже в XVII веке.

Буряты и монгольский мир

Вокруг Байкала жили группы, из которых позднее сформировался бурятский народ.

Их история была тесно связана с монгольским миром. Бурятский язык относится к монгольской языковой семье, а степные и лесостепные районы Предбайкалья и Забайкалья веками находились в зоне контактов между народами Северной Азии и Монголии.

И здесь природные условия создавали разные хозяйственные уклады.

В степных районах большое значение имело скотоводство. В лесных — охота. Контакты между разными группами приводили к взаимным заимствованиям, а политические события в Монголии непосредственно отражались на населении Забайкалья.

Русские появятся здесь значительно позднее, чем в Западной Сибири. И столкнутся уже с обществами, включёнными в собственную систему степных и монгольских политических отношений.

Поэтому продвижение от Оби к Байкалу будет означать не просто увеличение расстояния от Москвы. Русские будут входить в **другой исторический мир**.

Северо-Восток

Ещё дальше находилась земля, которая даже для многих народов Западной и Южной Сибири была далёкой окраиной.

Здесь жили **юкагиры, чукчи, коряки, ительмены** и другие народы Северо-Восточной Азии.

Старая этнография часто объединяла некоторые из таких народов словом «**палеоазиаты**». Это удобное, но весьма условное обозначение. Оно не означает существования единого древнего «палеоазиатского народа». Под одной рубрикой оказывались группы с разными языками и историей — просто потому, что их нельзя было отнести к крупным языковым семьям, лучше известным исследователям. Даже академическая «История Сибири» прямо характеризовала такое объединение как условное.

Здесь существовали очень разные способы жизни.

На побережье огромное значение имела морская охота. Во внутренних районах — оленеводство, охота и рыболовство. Морские охотники использовали ресурсы Берингова и Охотского морей и были связаны с миром северной части Тихого океана.

Для будущих русских землепроходцев эти земли окажутся одним из наиболее трудных районов продвижения.

Особенно долго сопротивление будет продолжаться на Чукотке. Поэтому даже через полтора столетия после похода Ермака история распространения российской власти на Северо-Востоке ещё далеко не закончится.

Приамурье и Тихий океан

Совсем другой мир находился на Амуре.

Здесь жили нанайцы, ульчи, нивхи и другие народы, а весь регион находился в сложной системе отношений с Маньчжурией и северо-восточным Китаем.

Это важно для будущего рассказа.

Продвигаясь через Западную и Восточную Сибирь, русские долго сталкивались преимущественно с местными политическими образованиями и небольшими обществами. На Амуре они приблизились к зоне влияния крупного государства Восточной Азии.

В XVII веке здесь встретятся уже не только народы, но и две расширяющиеся государственные системы — Российское государство и империя Цин.

Поэтому история русского продвижения к Тихому океану не закончится простым выходом казаков на берег моря.

Юг: тюркская Сибирь

Наконец, огромную роль в истории Сибири играли тюркские народы.

Их мир простирался гораздо шире собственно Сибири — через Центральную Азию и степи Евразии. В самой Сибири к тюркским народам относятся, среди прочих, татары, алтайцы, хакасы, тувинцы, шорцы и якуты.

Но объединять их в одну политическую или культурную общность только потому, что их языки родственны, было бы ошибкой.

Их хозяйство, политическая организация и исторический опыт существенно различались.

Особенно важны для нашего дальнейшего рассказа будут **сибирские татары** Западной Сибири.

Именно в их среде возникло государство, название которого позднее распространится на территорию, несравнимо большую самого этого государства.

Сибирское ханство.

Но прежде чем перейти к нему, нам предстоит понять, откуда вообще взялся тюркский мир Сибири и почему на протяжении многих столетий юг региона входил в состав больших степных держав.

Не один «коренной народ»

После такого быстрого путешествия по карте возникает соблазн представить себе всё население Сибири разделённым на две аккуратные категории: сначала здесь жили «коренные народы», а потом появились русские.

Для самого общего разговора такое противопоставление удобно. Для истории — недостаточно.

Коренные народы тоже когда-то переселялись.

Якуты пришли в бассейн Лены из более южных районов. Различные тюркские и монгольские группы неоднократно перемещались по Южной Сибири. Менялись территории расселения тунгусо-маньчжурских народов. Одни группы вытесняли другие, смешивались с ними или переходили на другой язык.

«Коренной» поэтому не означает «живший на одном месте с начала существования человечества».

Это прежде всего историческое отношение народа к территории, на которой сложились его культура, хозяйство и коллективная идентичность.

Столь же бессмысленно было бы считать, что все коренные народы обязательно составляли одну сторону в будущих конфликтах. Они воевали между собой, вступали в союзы, находились в зависимости друг от друга. Когда появятся русские, одни местные группы будут сопротивляться им, другие — договариваться, третьи — пытаться использовать новых пришельцев против старых противников.

Так происходит почти всегда, когда встречаются сложные человеческие общества.

Именно поэтому в этой книге мы постараемся не заменять историю простой картинкой, где с одной стороны стоят «русские», а с другой — единое «коренное население».

История, которой здесь не будет

На этом месте необходимо ещё раз установить границу нашего рассказа.

Мы только что перечислили множество народов — и почти о каждом сказали несколько абзацев. Это неизбежно создаёт несправедливую пропорцию. История любого из них несравнимо богаче.

Но исправить эту несправедливость, добавив ещё двадцать страниц, невозможно.

История коренных народов Сибири заслуживает **отдельной книги**, где русские появятся не в первой главе в роли главных действующих лиц, а лишь в тот момент, когда войдут в уже существовавшую историю этих народов.

В «Старой Сибири» задача иная. Нас интересует общество, возникшее в результате русского движения за Урал. Поэтому ханты, манси, селькупы, татары, эвенки, якуты, буряты, чукчи и другие народы будут возвращаться на страницы книги тогда, когда их история пересечётся с историей русских поселенцев и Российского государства.

При этом мы не будем считать исчезновение языка или растворение небольшой общности в более многочисленном населении естественным и неизбежным «прогрессом». Человеческое разнообразие само по себе представляет ценность. Народ имеет право оставаться собой, а не становиться материалом для создания более крупной и якобы более современной общности.

Но уважение не требует идеализации.

Коренные общества не были ни примитивными дикарями старой колониальной литературы, ни безупречными хранителями вечной гармонии, какими их иногда хочется представить в противоположной традиции. Это были человеческие общества — со взаимопомощью и конфликтами, свободой и зависимостью, торговлей и войнами, богатыми и бедными, соседством и враждой.

Именно такими — живыми, противоречивыми и меняющимися — они войдут в нашу историю.

А теперь пора сделать следующий шаг назад во времени.

Потому что к XVI веку народы Сибири уже много столетий жили не только своими местными историями. Над степями возникали и исчезали огромные державы. Через Южную Сибирь проходили армии и торговые пути. Менялись правители, границы и языки власти.

Следующий этап нашего рассказа — **степные империи Сибири**.

1.4. Степные империи

Если смотреть на древнюю Сибирь с севера, она кажется страной рек, лесов и небольших народов, расселённых на громадных пространствах. Если посмотреть с юга, картина меняется почти до неузнаваемости. Здесь проходил один из великих исторических коридоров Евразии. По степям и лесостепям двигались стада, караваны и армии, возникали союзы племён и государства, власть которых иногда распространялась на тысячи километров.

Поэтому история Сибири задолго до русских была связана с историей Центральной Азии. Алтай и Саяны, верховья Енисея, Забайкалье и соседние степи не находились на краю тогдашнего мира. Напротив, некоторые из крупнейших политических переворотов средневековой Евразии происходили совсем рядом с ними. Народы, которые московские служилые люди XVI–XVII веков позднее встретят как жителей далёкой окраины, жили среди последствий многовековой борьбы степных держав.

Подробная история этих государств увела бы нас далеко в сторону. Нам важно другое: понять, **какой политический мир существовал в Южной Сибири до возникновения Сибирского ханства** и почему оно само было не случайным государством на краю тайги, а одним из наследников гораздо более древней евразийской истории.

Когда степь становится империей

Степное пространство обладает странным свойством. Оно одновременно разделяет и соединяет.

Для земледельца огромное безлесное пространство может казаться пустынным и опасным. Для конного скотовода оно превращается в дорогу. Там, где пешему человеку требуются недели, всадник способен преодолеть расстояние значительно быстрее. Стада дают пищу и материалы для одежды, лошадь обеспечивает транспорт, а высокая подвижность позволяет поддерживать связи между группами, разделёнными сотнями километров.

Но сама по себе кочевая жизнь не создаёт государства. Для появления крупного политического объединения требовалось связать множество родов и племён общей властью, заставить или убедить местных вождей признать верховного правителя, организовать войско и наладить распределение добычи и дани. Такие союзы могли возникать поразительно быстро — и столь же быстро распадаться, когда центральная власть слабела.

Из-за этого карта степной Евразии постоянно менялась. На ней появлялись огромные державы, которые через несколько поколений могли исчезнуть, уступив место новым. Но исчезновение государства не означало исчезновения его населения. Люди оставались, смешивались с победителями, переходили в новые союзы, сохраняли или меняли язык. Поэтому политическая история степи напоминает не последовательную смену одних народов другими, а бесконечное перемешивание человеческого материала.

Одними из первых крупных объединений, связанных с Южной Сибирью и Центральной Азией, были державы хунну. Их история известна прежде всего благодаря китайским источникам, поскольку именно отношения с Китаем — войны, переговоры, обмен дарами и пограничная торговля — особенно интересовали китайских летописцев. Уже здесь проявляется особенность наших знаний о древней степи: зачастую мы видим её глазами соседней оседлой цивилизации.

Это всё равно что восстанавливать историю России исключительно по донесениям иностранных послов. Сведения могут быть бесценными, но взгляд неизбежно остаётся чужим.

Тюрки приходят в историю

Для нашей книги особенно важны события середины I тысячелетия нашей эры. Именно тогда слово «**тюрк**» впервые появляется в письменных источниках как название конкретной политической и этнической общности.

В VI веке возник Тюркский каганат — огромное государственное объединение, связавшее пространства Центральной Азии, Южной Сибири и степей далеко на запад. Его история была бурной: стремительное расширение, разделение на восточную и западную части, войны с Китаем и соседними державами, распад и новые попытки восстановления власти.

Нас здесь интересует не перечень каганов и сражений. Гораздо важнее долговременное последствие: **Южная Сибирь становилась одной из важнейших областей тюркского мира.**

Тюркские языки постепенно распространялись среди населения степей и лесостепей. Это не было одномоментным переселением единого народа, который пришёл и заменил всех прежних жителей. Распространение языка могло сопровождать политическое господство, миграции, смешанные браки и включение различных групп в новые объединения. Люди могли принимать язык более влиятельных соседей, не исчезая физически.

Такое различие нам ещё неоднократно понадобится. История языка, история государства и биологическая история населения — три связанные, но не совпадающие вещи.

Тюркские государства также нельзя представлять как бесформенные орды всадников. У них существовали политическая иерархия, дипломатия и собственная письменная традиция. Знаменитые древнетюркские надписи Монголии начала VIII века позволяют впервые услышать голос самого степного общества, а не только его китайских или иных соседей. Правители рассказывали о войнах, верности, изменах, единстве народа и восстановлении государства — то есть занимались примерно тем же, чем государственная пропаганда будет заниматься во все последующие эпохи, только высекали свои заявления на камне.

Уйгуры и кыргызы

После падения Второго Тюркского каганата в VIII веке ведущей силой в восточной части степного мира стал Уйгурский каганат. Его центр находился в Монголии, однако влияние происходивших там событий распространялось далеко за её пределы.

Уйгурское государство особенно интересно развитием городских центров, торговли и тесными отношениями с соседними цивилизациями. Степной мир вообще гораздо меньше противостоял городскому, чем можно подумать из привычной пары «кочевники — земледельцы». Кочевым государствам требовались ремесленные изделия и сельскохозяйственные продукты, городам — скот, лошади и безопасность торговых путей. Конфликт и взаимная зависимость прекрасно уживались друг с другом.

В IX веке Уйгурский каганат был разгромлен **енисейскими кыргызами**, центр которых находился в Южной Сибири, прежде всего в Минусинской котловине. Для нашей истории это особенно примечательный эпизод. Политическая сила, возникшая непосредственно в сибирском регионе, сумела разгромить одну из крупнейших степных держав своего времени и распространить влияние далеко в Центральную Азию.

Однако победа не означала, что все енисейские кыргызы переселились в Монголию или создали там устойчивую централизованную империю по образцу позднейших государств. Их политическая система и характер господства остаются предметом специальных исследований. Нам достаточно отметить другое: Южная Сибирь могла быть не только периферией чужих империй, но и одним из центров, откуда исходила политическая экспансия.

Это полезная поправка к привычной карте мира, на которой вся история обязательно приходит в Сибирь откуда-нибудь извне.

Чингисхан

В начале XIII века прежняя политическая карта Евразии была разрушена с такой скоростью, что современникам происходившее вполне могло казаться концом света.

Темуджин, вошедший в историю под именем **Чингисхана**, сумел объединить значительную часть монгольских племён. В 1206 году он был провозглашён великим ханом, а созданная

им политическая и военная система начала экспансию, масштабы которой значительно превосходили всё, что степь видела прежде.

Сибирские народы оказались вовлечены в неё ещё до знаменитого похода монголов на Русь.

Монгольская власть распространялась на Южную Сибирь, Алтай, районы Енисея и Байкала. Одни местные правители признавали её относительно мирно, другие сопротивлялись. Енисейские кыргызы были подчинены, лесные народы к северу от основной степной зоны также постепенно попадали в систему монгольской зависимости. Сведения об этих походах особенно интересны потому, что монголы различали собственно степные и так называемые лесные народы. Для империи даже тайга становилась пространством, население которого можно было учитывать, облагать повинностями и включать в политическую систему.

Разумеется, степень реального контроля была неодинаковой. Средневековое государство вообще не следует представлять по образцу современной карты с пограничными столбами и чиновником в каждом районе. Можно было признавать верховную власть далёкого правителя, выплачивать дань и предоставлять людей, сохраняя при этом значительную самостоятельность во внутренних делах.

Монголы довели эту систему до невиданного прежде масштаба.

Империя, которой Сибирь была частью

Монгольскую империю иногда описывают почти исключительно через разрушения. Для такого взгляда существуют веские основания: завоевания сопровождались войнами, массовой гибелью людей и уничтожением городов. Романтизировать их как мирное объединение Евразии было бы столь же нелепо, как отрицать последствия завоеваний.

Но история империи не исчерпывалась разрушением.

После завоевания огромные территории оказались внутри одной политической системы. Передвижение людей и товаров между различными частями Евразии стало интенсивнее. Правителям требовались дороги, посланники, сбор налогов и сведения о подвластном населении. Ремесленников переселяли из одной части империи в другую, купцы пользовались огромными торговыми пространствами, а дипломатические миссии преодолевали расстояния, которые прежде казались невероятными.

Сибирь участвовала в этих процессах неравномерно. Таёжное поселение на далёком притоке Лены, конечно, не превращалось от этого в международный торговый центр. Но Южная и Западная Сибирь были включены в политический мир Монгольской империи и её наследников.

После смерти Чингисхана огромная держава постепенно разделилась между его потомками. Формальное представление о единой империи сохранялось ещё некоторое время, но реальные политические центры становились всё самостоятельнее.

Для Западной Сибири особенно важным оказалось наследство **Джучи**, старшего сына Чингисхана.

Улус Джучи и сибирский север

Государство потомков Джучи известно в русской исторической традиции прежде всего как **Золотая Орда**. Его основные центры находились далеко от сибирской тайги — в степях Восточной Европы и Поволжья. Но северо-восточные области джучидского политического мира уходили к Иртышу и дальше в Западную Сибирь.

И здесь мы приближаемся непосредственно к нашей основной истории.

Лесные районы были интересны степным государствам прежде всего своими ресурсами. Особенную ценность имела пушнина. Меха в средневековом мире был дорогим товаром, а сибирская тайга представляла собой практически неисчерпаемый по тогдашним масштабам источник пушного зверя.

Поэтому система дани, которую позднее встретят и используют русские, возникла не вместе с русскими.

Сильные политические центры уже давно стремились получать с лесного населения меха и другие ценные продукты. Местные князья могли собирать дань со зависимых групп и передавать её дальше по политической иерархии. Государства менялись, а сама логика отношений сохранялась.

Это обстоятельство существенно меняет картину будущего русского завоевания.

Московское государство не изобретёт в Сибири систему пушной дани с нуля. Оно войдёт в уже существующий мир даннических отношений, приспособит их к собственным нуждам и превратит **ясак** в один из важнейших институтов своего сибирского управления.

После Орды

В XV веке Золотая Орда распадалась. На её месте возникали новые ханства и орды, правители которых принадлежали к различным ветвям чингизидской знати и продолжали бороться за территории, торговые пути и право считаться законными наследниками прежней державы.

Для русского читателя наиболее знакомы Казанское, Крымское и Астраханское ханства. Но ордынский мир не заканчивался на Волге.

Своя политическая история разворачивалась и дальше на восток.

В Западной Сибири существовали местные владения, связанные с татарской знатью и князьями лесных народов. Здесь переплетались степная политическая традиция и мир Оби и Иртыша. Власть над огромными территориями часто означала не непосредственное управление каждой деревней, а признание верховенства, военную зависимость и право получать дань.

Из этого мира постепенно возникнет **Сибирское ханство**.

Его нельзя понять, если начать рассказ непосредственно с Кучума и Ермака. Кучум не был каким-то случайным «сибирским царём», неожиданно появившимся перед русскими казаками. Его власть опиралась на чингизидскую традицию, а борьба за Сибирь была частью гораздо более широкой борьбы наследников степных империй.

Тем более что Кучум был далеко не первым правителем этого государства.

Империи проходят, люди остаются

За тысячу лет политическая карта Южной Сибири менялась множество раз. Хунну, тюркские каганаты, уйгуры, кыргызы, монголы, государства наследников Монгольской империи — само перечисление может создать впечатление бесконечной череды завоевателей.

Но историческая жизнь не начиналась заново после каждой смены власти.

Большинство людей продолжало заниматься своими делами. Скотоводы перегоняли стада, охотники уходили в тайгу, земледельцы обрабатывали землю, купцы искали покупателей. Новая власть могла потребовать новую дань, включить мужчин в своё войско, поставить другого правителя или изменить направление торговли. Но она не заменяла всё население огромной страны.

Именно поэтому бессмысленно пытаться провести прямую линию от каждого средневекового государства к какой-нибудь современной нации. Политические объединения были многоэтническими, границы постоянно менялись, а язык власти не обязательно совпадал с языком всех подвластных людей.

Современные национализмы любят древние империи. Большая держава прошлого позволяет нарисовать большую цветную область на карте и объявить её свидетельством древнего права современного народа на соответствующую территорию. История устроена сложнее. Тюркский каганат не был национальным государством современных тюркских народов, Монгольская империя — национальным государством современных монголов, а Золотая Орда не принадлежит исключительно ни одному из многочисленных народов, участвовавших в её истории.

Для нас важнее другое.

К XVI веку Сибирь уже имела многовековой опыт государственной власти. Здесь давно знали дань и войну, князей и ханов, союзы и политическую зависимость. Южные районы были связаны с огромным степным миром, а через него — с государствами Средней Азии, Восточной Европы и Китая.

Русские придут не в политический вакуум.

И когда отряд Ермака появится на Иртыше, он встретит не просто разрозненные поселения среди лесов. Перед ним окажется государство, возникшее на обломках старого ордынского мира.

Теперь мы наконец подошли к нему вплотную.

1.5. От Золотой Орды к Сибирскому ханству

Распад большой империи редко похож на выключение света. В один день государство ещё существует, на следующий — его нет только в школьной хронологической таблице. В действительности старые порядки, династии, торговые связи и представления о законной власти переживают государство, которое их породило. Именно так произошло и с Золотой Ордой.

К XV веку власть ордынских ханов ослабела, а огромное пространство, прежде признававшее их верховенство, дробилось на новые политические образования. Возникали Казанское, Крымское и Астраханское ханства, Большая Орда, Ногайская Орда. Шла борьба между различными ветвями потомков Чингисхана. Москва постепенно освобождалась от ордынской зависимости и сама превращалась в одну из крупнейших сил Восточной Европы. Но далеко на востоке тот же распад Орды порождал собственный политический мир — тот, из которого в конце концов возникло Сибирское ханство.

Чтобы понять его историю, придётся разобраться сразу с двумя вещами, которые часто смешиваются: откуда взялось государство и откуда взялось само слово «Сибирь».

Где первоначально находилась Сибирь

Сегодня Сибирью называют пространство в миллионы квадратных километров. В Средние века никто не обозначал этим словом всю Северную Азию от Урала до Тихого океана.

Название имело гораздо более локальный смысл.

Его происхождение остаётся дискуссионным. Исследователи связывали его с различными этнонимами, местными названиями и политическими образованиями Западной Сибири. В источниках встречаются формы, которые позволяют предполагать существование названия задолго до русского завоевания. Но провести совершенно бесспорную прямую линию от какого-либо одного древнего народа или топонима к современному слову «Сибирь» трудно.

Для нашей истории важнее не этимология, а удивительная судьба самого названия.

Первоначально оно относилось к сравнительно небольшой области Западной Сибири и связанному с ней политическому центру. Затем название перешло на ханство. После русского завоевания «Сибирью» стали называть всё более обширные территории, лежавшие дальше на восток. Русские двигались к Енисею, Лене, Байкалу и Тихому океану — и Сибирь как будто двигалась вместе с ними.

В результате название одного западносибирского государства постепенно стало именем громадной части материка.

Подобные превращения географических названий в истории не редкость. Но в нашем случае масштаб особенно впечатляет: жители Камчатки или Якутии оказались «сибиряками» благодаря историческому процессу, начавшемуся за тысячи километров от них.

Тайбугиды и Чингизиды

Политическая история Западной Сибири после распада Золотой Орды запутана ещё сильнее, чем происхождение её названия. Источников немного, они поздние и не всегда согласуются друг с другом. Позднейшие летописцы пытались восстановить последовательность событий, соединяя письменные сведения с преданиями. Поэтому там, где очень хочется получить красивую непрерывную цепочку правителей, историк постоянно сталкивается с проблемами.

В местной традиции особое место занимает **Тайбуга**, которого позднейшие источники представляли родоначальником династии сибирских князей. Насколько точно предания о нём отражают события XIII–XIV веков, установить трудно. Зато к позднему Средневековью существование тайбугидской политической традиции в Западной Сибири становится важной частью борьбы за власть.

Ей противостояла другая династическая линия — **Шибаниды**, потомки Шибана, одного из сыновей Джучи и, следовательно, потомки Чингисхана.

Для средневековой степной политики происхождение имело огромное значение. Чингизид обладал особым правом претендовать на ханский титул. Это не означало, что любой потомок Чингисхана автоматически получал власть: ему требовались войско, союзники и ресурсы. Но происхождение давало то, что сегодня назвали бы политической легитимностью.

Тайбугиды и Шибаниды представляли поэтому не просто две семьи, поссорившиеся из-за хорошего места на Иртыше. За их борьбой стояли разные основания власти и связи с более широким постордынским миром.

В XV–XVI веках преимущество неоднократно переходило от одной стороны к другой.

Искер на Иртыше

Политическим центром будущего Сибирского ханства стал город, который русские источники называли **Искером**, **Сибирью** или **Кашлыком**. Он находился на Иртыше неподалёку от места, где позднее возникнет Тобольск.

Не стоит представлять его восточным аналогом Москвы или Казани.

Средневековый сибирский город был сравнительно небольшим, а власть его правителя над окружающими территориями совсем не напоминала административный контроль современного государства. Не существовало сплошной сети чиновников, которые сидели бы в каждой деревне и исправно посылали отчёты в столицу. Власть строилась через личные связи, местных князей, военную силу, союзы и даннические отношения.

Но небольшой размер столицы не означает отсутствия государства.

Искер находился в исключительно выгодном месте. Иртыш связывал степные районы на юге с лесным миром Западной Сибири. Через Обь и её притоки можно было двигаться далеко на север и восток. Отсюда было удобно контролировать торговые и даннические связи между различными природными зонами.

Главным богатством лесного севера была пушнина.

Соболь, белка, лисица и другие меха высоко ценились далеко за пределами Сибири. Через посредников они попадали в Среднюю Азию, Поволжье и дальше на международные рынки. Поэтому власть над охотничьими народами тайги имела вполне материальное содержание: она давала право требовать дань ценным мехом.

Будущие московские правители очень быстро оценят преимущества этой системы.

Государство без прямых границ

Когда мы рисуем Сибирское ханство на современной исторической карте, возникает почти неизбежный обман. Цветная область имеет чёткую линию вокруг неё — и кажется, будто хан внутри этой линии управлял территорией так же, как современное государство.

На деле власть была гораздо более неоднородной.

Ядро ханства находилось на Иртыше и Тоболе и было связано прежде всего с сибирско-татарским населением. За пределами ядра существовали хантыйские и мансийские княжества и другие местные объединения. Одни могли признавать власть хана и платить дань, другие зависели от него слабее, третьи меняли политическую ориентацию в зависимости от обстоятельств.

Средневековая власть вообще часто напоминала не сплошное покрывало, а сеть.

В одних местах узлы этой сети были прочными, в других связь становилась почти символической. Чем дальше от политического центра, тем больше зависело от местных правителей и от способности хана заставить их выполнять свои обязательства.

Это обстоятельство позднее сыграет огромную роль в успехах русских.

Победа над ханом не означала автоматического завоевания всех земель, которые мы задним числом раскрашиваем цветом Сибирского ханства. Каждое местное княжество ещё нужно

было привести к подданству, заставить платить ясак и удержать от перехода на сторону противника.

Поэтому выражение «Ермак завоевал Сибирь» удобно для школьной фразы и совершенно недостаточно для понимания событий.

Сибирские татары

Основным населением политического ядра ханства были **сибирские татары** — тюркоязычные группы Западной Сибири, история которых складывалась в результате длительных контактов местного населения со степным миром.

Само слово «татары» требует осторожности. В русской и европейской традиции им долго обозначали очень разные тюркские и монгольские народы, а современные татарские идентичности складывались исторически. Нельзя просто взять современную этнографическую карту и перенести её в XVI век.

Сибирские татары занимались не только скотоводством. Природные условия лесостепной и речной Западной Сибири позволяли сочетать различные занятия: скотоводство, земледелие, охоту и рыболовство. Большую роль играла торговля. Через татарскую среду товары из тайги попадали на юг, а изделия и продукты степных и среднеазиатских районов двигались в обратном направлении.

Ислам к этому времени уже имел значительное влияние, особенно среди знати, однако степень исламизации разных групп населения была неодинаковой. Старые верования и обычаи не исчезали по приказу правителя. Как и во многих других регионах, новая религиозная традиция распространялась постепенно и взаимодействовала с существующими представлениями.

При Кучуме исламизация станет заметным элементом государственной политики, но и тогда превращение всего населения ханства в единообразное мусульманское общество останется скорее желанием власти, чем описанием реальности.

Ибак и борьба за наследство

Одним из важнейших шибанидских правителей XV века был хан **Ибак**. Его деятельность показывает, насколько тесно Западная Сибирь оставалась связана с постордынским степным миром.

Ибак участвовал в борьбе далеко за пределами собственно Сибири, вступал в отношения с Ногайской Ордой и Москвой и боролся с другими наследниками Орды. Сибирский правитель не сидел в изоляции среди болот, ничего не зная о событиях на западе. Он был участником общей политики распадавшегося ордынского пространства.

В конце XV века Ибак погиб в результате борьбы с Тайбугидами. Власть в Сибири перешла к представителям этой династии, среди которых для последующей истории особенно важны **Мухаммед** и его преемники.

К середине XVI века ханством правили братья **Едигер и Бекбулат**.

И именно при них в сибирской политике появляется новая сила, значение которой прежде было сравнительно небольшим.

Москва.

Москва приближается

За несколько поколений положение к западу от Урала радикально изменилось.

Московское государство расширялось. В 1552 году Иван IV завоевал Казанское ханство, а в 1556 году — Астраханское. Волга оказалась под московским контролем, и привычная система сил на постордынском пространстве была нарушена.

Для Сибирского ханства это было событием огромного значения.

Между Москвой и Сибирью существовали контакты и раньше, но теперь Московское государство оказалось гораздо ближе и гораздо сильнее. Едигер предпочёл признать зависимость от Ивана IV и согласился выплачивать дань.

Этот эпизод легко истолковать слишком буквально. Если хан признал власть московского царя, можно решить, что Сибирь уже тогда «вошла в состав России». Реальные отношения были гораздо менее определёнными. Москва заявляла верховные права, Едигер искал политической поддержки и соглашался на даннические обязательства, но никакой московской администрации на Иртыше ещё не существовало.

Сам факт такого соглашения, однако, был чрезвычайно важен.

Русский царь получил основание считать сибирского правителя своим данником. Позднее это позволит Москве изображать борьбу за ханство не просто как завоевание чужой страны, а как восстановление уже признанных прав.

Государства вообще любят обнаруживать юридические основания для территориального расширения после того, как появляется возможность это расширение осуществить.

Приходит Кучум

Главная опасность для Едигера находилась не в Москве.

С юга на власть в Сибири претендовал шибанидский князь **Кучум**. Он принадлежал к чингизидской династии и был связан с политическим миром Средней Азии и степей.

Борьба продолжалась несколько лет. В 1560-х годах Кучум сумел разгромить Тайбугидов, захватить власть и утвердиться в Сибири. Едигер и Бекбулат погибли.

Смена династии означала и изменение внешней политики.

Кучум не собирался считать себя покорным вассалом Москвы только потому, что его предшественник когда-то согласился платить Ивану IV дань. С его точки зрения он получил ханство силой и обладал собственным династическим правом на власть. С московской точки зрения, напротив, новый правитель захватил землю, хан которой уже признал верховенство царя.

Так возникло противоречие, которое каждая сторона могла объяснять в свою пользу.

Некоторое время отношения ещё не были открыто враждебными. Переговоры продолжались, вопрос о дани возникал снова. Но Кучум постепенно укреплял собственную власть и стремился восстановить контроль над зависимыми от ханства территориями.

На западной границе тем временем происходили другие события.

Русские промышленники и торговые люди всё активнее действовали в Приуралье. Владения Строгановых приближались к районам, связанным с Сибирским ханством. Столкновения становились всё более вероятными.

Две линии истории медленно сходились.

Что представляло собой ханство перед столкновением

К середине второй половины XVI века Сибирское ханство было настоящим, но сравнительно рыхлым государственным образованием. У него существовали правитель, политический центр, военная сила, зависимые территории, данническая система и международные отношения. Оно было связано со степным и среднеазиатским миром и одновременно контролировало или стремилось контролировать часть лесных народов Западной Сибири.

Но его возможности не следует преувеличивать.

Население было немногочисленным по сравнению с государствами Восточной Европы. Огромные расстояния затрудняли управление. Власть над окраинами зависела от лояльности местных князей. Династическая борьба ещё недавно раскалывала политическую верхушку. Часть зависимых групп вовсе не была заинтересована в усилении центральной власти.

Московское государство обладало значительно большими людскими и материальными ресурсами.

Однако и здесь нельзя заранее вписывать финал в начало истории. Из того, что Москва в конце концов победила, не следует, что эта победа была предreshена и что современники могли её предвидеть. За Уралом ещё не существовало русских городов, гарнизонов и системы

снабжения. Между центрами Московского государства и Иртышом лежали леса, горы и огромные расстояния.

Несколько сотен вооружённых людей, отправившихся за Камень, могли исчезнуть там совершенно бесследно.

И почти наверняка именно так воспринимал бы подобную экспедицию разумный человек, ещё не знающий окончания истории.

Но прежде чем вслед за Ермаком отправляться в Сибирь, нам придётся оставить Кучума на Иртыше и вернуться назад.

На другую сторону Урала.

Потому что пока в Западной Сибири наследники Чингисхана и Тайбуги боролись за власть, русские тоже уже много столетий знали о землях за Камнем. Они торговали с их жителями, собирали сведения о богатствах северо-востока, ходили в Югру и постепенно приближались к Уралу.

У двух историй оставалось совсем немного времени до встречи.

Глава 2. Русские до Ермака: Новгород, Югра и путь за Камень

2.1. Северная Русь смотрит на восток

Когда речь заходит о русском движении в Сибирь, рассказ почти неизбежно начинается с Ермака. Получается удобная картина: до конца XVI века существует какая-то отдельная, почти неизвестная Руси Сибирь, затем казаки переходят Урал — и начинается русская история края. Но Урал никогда не был стеной. За несколько столетий до Ермака жители Русского Севера уже знали дороги, которые вели к нему и дальше, торговали с населением северо-востока, собирали дань, ходили за пушниной и постепенно включали огромные пространства в свой хозяйственный мир. Ермаку предстояло пройти туда с вооружённым отрядом, куда торговые и промысловые люди заглядывали задолго до него.

Первым русским государством, всерьёз посмотревшим на северо-восток, был не Московский Кремль, а Великий Новгород. Причина была довольно прозаической: мех. Средневековый Север представлял собой гигантскую кладовую пушнины, а пушнина была одним из самых удобных и дорогих товаров того времени. Соболь, куница, белка, лисица не требовали ни рудников, ни заводов, ни тяжёлых обозов с зерном. Несколько связок хороших шкур могли стоить очень дорого, их было сравнительно легко перевозить на огромные расстояния, а спрос на них существовал далеко за пределами Руси. Новгород, связанный торговлей с Балтикой и европейскими рынками, поэтому был заинтересован в лесах северо-востока ничуть не меньше, чем позднейшие государства — в золоте, нефти или других ценных ресурсах.

Историк Сергей Бахрушин именно с этого начинает историю русского движения за Урал. По его словам, Новгород, нуждавшийся в пушнине для торговли с заморскими странами, уже в XI веке распространил свою деятельность на обширное Заволочье и овладел Печорским торговым путём, открывавшим дорогу дальше на северо-восток — к Югре и землям самодийских народов. Само Заволочье получило название от волоков: чтобы попасть из одной речной системы в другую, лодки и грузы приходилось тащить по суше. На карте расстояния здесь выглядят чудовищными, но средневековый человек видел пространство несколько иначе. Река была дорогой, водораздел — препятствием, а волок соединял две дороги. Так постепенно складывалась сеть маршрутов, по которой человек мог двигаться всё дальше от Новгорода, через Северную Двину, Сухону, Вычегду и Печору к Уральским горам.

Не следует, конечно, представлять себе это движение как колонну новгородских переселенцев, методично занимающих одну территорию за другой. На протяжении долгого времени русское заселение Заволочья оставалось гораздо западнее Урала. Дальше тянулись прежде всего торговые связи и промысловые маршруты. Люди появлялись, исчезали, возвращались через год или несколько лет; заключали соглашения, собирали дань, меняли товары, охотились, иногда воевали. Политическая власть в таком мире была намного менее определённой, чем привык современный читатель, смотрящий на аккуратно раскрашенную историческую карту. Если в грамоте было написано, что далёкая земля принадлежит Новгороду, из этого ещё совершенно не следовало, что там сидел новгородский чиновник и ежедневно объяснял населению, кто теперь начальство.

В этом отношении северо-восточная окраина Руси даёт нам первый пример явления, с которым мы будем встречаться на протяжении почти всей книги: **люди двигались быстрее государства**. Бахрушин обращал внимание, что в новгородских владениях княжеская власть пыталась поставить под контроль северные богатства, но новгородская знать сопротивлялась

таким попыткам. В результате хозяевами приуральских промыслов долго оставались прежде всего новгородские купцы и бояре. Позднее похожая картина наблюдалась уже на московской окраине: впереди государственных структур шли торговые люди и промышленники. Устюг становился исходной точкой движения по Вычегде к Перми и далее на северо-восток.

Это ещё не вполне та «вольнонародная колонизация», о которой впоследствии будут говорить сибирские областники. Среди участников северного движения были богатые купцы и бояре, а торговля и сбор дани легко соседствовали с насилием. Однако здесь уже хорошо видна важная для дальнейшей истории Сибири особенность. Восточное движение не было однажды придумано московским правительством, после чего чиновники начертили стрелку на карте и отправили население выполнять государственную задачу. Экономические связи, промыслы и человеческая предприимчивость существовали сами по себе и нередко предшествовали государственному закреплению территории. Позднее Москва будет постоянно пытаться догонять этот процесс: поставить острог там, куда уже добрались промышленники, взять под контроль торговый путь, который уже используется, обложить ясаком людей, с которыми русские уже успели познакомиться.

При этом не стоит впадать и в противоположную крайность, представляя северных промышленников мирными первопроходцами, а государство — единственным источником насилия. За дорогие меха боролись всерьёз. Походы за данью могли превращаться в военные предприятия, местное население сопротивлялось пришельцам, а сами русские соперничали друг с другом. Бахрушин приводит особенно выразительный эпизод 1193 года: новгородский отряд под командованием Ядрея был уничтожен, причём, согласно летописному известию, этому способствовали сами новгородцы, находившиеся в сговоре с югорским князем. Даже здесь простая схема «русские против местных» плохо работает: торговые интересы, местные политические союзы и борьба за прибыль пересекали этнические границы.

Тем не менее походы продолжались, и в новгородских документах Югра со временем стала фигурировать среди зависимых территорий. Вот здесь историческая карта особенно легко вводит в заблуждение. Если закрасить такую «волость» цветом Новгородской земли, получится впечатляющая держава, перебравшаяся через Урал ещё в Средние века. В действительности, как подчёркивал Бахрушин, прочного завоевания Югры не произошло. Зависимость местных князей выражалась прежде всего в нерегулярной выплате дани — главным образом соболиными мехами и другими местными товарами. Новгород мог считать Югру своей, югорский князь мог время от времени заплатить новгородцам, а между двумя такими визитами жить так, словно Великого Новгорода за тысячи вёрст вообще не существует.

И всё-таки значение этих связей было огромным. За несколько столетий до похода Ермака русские люди уже знали, что за северным Уралом находятся населённые земли, откуда поступает ценнейшая пушнина. Существовали маршруты, опыт дальних путешествий, сведения о народах Зауралья и сама привычка смотреть на пространство за Камнем не как на край света. Более того, за право пользоваться этими дорогами уже шла борьба внутри самой Руси. С XII века суздальские князья пытались перехватывать новгородских данников; позднее Устюг оказался важнейшим конкурентом Новгорода, а с XIV века за северные пути всё настойчивее взялась Москва. В конце XIV — начале XV века соперничество выливалось даже в новгородские походы на Устюг.

Поэтому история русского появления в Сибири начинается не с одного героического броска через горы. Она начинается гораздо менее эффектно — с мехов, лодок, волоков, торговых расчётов, неясных договорённостей и людей, которые уходили всё дальше на северо-восток, потому что там можно было добыть то, что дорого ценилось дома и за морем. Государственные границы ещё оставались расплывчатыми, само слово «Сибирь» для этих земель ещё не имело позднейшего значения, но направление движения уже возникло.

И именно поэтому следующей остановкой нашего рассказа должна стать **Югра** — та самая земля за Камнем, где задолго до Ермака русские впервые непосредственно столкнулись с миром Западной Сибири.

2.2. Югра за Камнем

Для средневекового новгородца Уральские горы были не Уралом в современном смысле. Их называли просто **Камнем**, а лежащая за северной частью хребта земля была известна как Югра. Само это название в древнерусских источниках относилось прежде всего к угорскому населению Северного Приуралья и Западной Сибири — предкам современных хантов и манси. Уже «Повесть временных лет» под 1096 годом приводит рассказ новгородца Гюряты Роговича о Югре, живущей где-то далеко на северо-востоке, в горах. Рассказ этот наполовину состоит из вполне реальных сведений, наполовину — из средневековой фантастики: неизвестные народы легко оказывались соседями тех, кого, по легенде, Александр Македонский некогда запер среди северных гор. Но для нас важнее другое: **за несколько столетий до Ермака на Руси уже знали о людях, живущих по другую сторону Камня.**

Это знание было не только книжным. Новгородские люди ходили туда за мехами и данью, причём поход в Югру представлял собой предприятие куда более серьёзное, чем обычная торговая поездка. Северный путь был длинным и опасным: реки сменялись волоками, затем снова реками, а Уральский хребет приходилось пересекать там, где существовали известные местным жителям проходы. Бахрушин полагал, что трудности этого маршрута русские преодолели уже к началу XII века. При этом само русское расселение ещё долго оставалось преимущественно в бассейне Северной Двины. Получалась характерная картина: **постоянное население находилось далеко на западе, а промысловая и торговая деятельность уходила значительно дальше на восток.**

Именно поэтому слово «колонизация» применительно к средневековой Югре требует осторожности. Если понимать под ним любое хозяйственное и политическое проникновение на новую территорию, говорить о новгородской колонизации можно. Так поступала и значительная часть старой историографии. Но если читатель представляет под колонизацией основание русских деревень, постоянное переселение населения, административное управление и постепенное изменение этнического состава территории, то до Ермака ничего подобного в Югре ещё не происходило. Русские **ходили** за Камень, но ещё не переселялись туда массово. Они знали дороги, торговали, собирали дань, вступали в отношения с местными князьями — и возвращались обратно.

Здесь возникает ещё одна ловушка исторической терминологии. В новгородских грамотах XIII века Югра уже фигурировала среди новгородских волостей. Если воспринимать средневековые слова буквально в современном административном смысле, можно решить, что Великий Новгород владел частью Западной Сибири примерно так же, как сегодня государство управляет своей областью или районом. Бахрушин специально предостерегал от такой картины: присоединение Югры было скорее номинальным, прочного завоевания не произошло, а зависимость местных князей выражалась главным образом в **нерегулярной выплате дани мехами и другими местными товарами.**

Для средневекового мира в этом не было ничего необычного. Государственная власть вообще редко покрывала территорию равномерной административной сеткой. На далёкой окраине она могла сводиться к признанию верховенства, подаркам или дани, принесённой раз в год, а иногда и значительно реже. Местный князь продолжал управлять своими людьми, разбирать конфликты и воевать с соседями. Более того, он вполне мог сегодня признать одного далёкого государя, завтра перестать ему платить, а послезавтра договориться с другим. На карте такая земля оказывается закрашена одним цветом; в действительности власть здесь состояла из цепочки личных отношений, договоров и обязательств, прочность которых зависела от того, способен ли далёкий претендент на верховенство прислать вооружённых людей и заставить о себе вспомнить.

Сама Югра тоже не представляла собой единого государства, которое однажды заключило договор с Новгородом. За этим названием скрывался целый мир территориальных объединений и местных князей. Русские источники позднее будут называть их «князьками» и «княжествами», приспособивая увиденное к собственной политической лексике. Некоторые из этих объединений были достаточно сильны, чтобы сопротивляться пришельцам, совершать набеги на соседей и вести собственную дипломатическую игру. Поэтому сбор дани легко превращался в войну. Поход новгородцев 1193 года закончился катастрофой: рать воеводы Ядрея была уничтожена, причём, согласно летописному известию, свою роль сыграли новгородцы, находившиеся в сговоре с югорским князем. Это замечательная деталь, разрушающая слишком простую картину столкновения двух монолитных сторон. На далёкой границе торговая выгода и политический союз иногда значили больше этнической принадлежности.

Но особенно интересен другой вопрос: **что сами жители Руси знали о земле за Камнем?** Знали одновременно много и поразительно мало. Промышленник мог прекрасно помнить конкретную реку, волок или место торговли, знать, где живёт нужный князь и какие товары здесь ценятся, но общая картина пространства оставалась туманной. Поэтому реальные сведения свободно соседствовали с фантастическими. В конце XV века появилось знаменитое новгородское «Сказание о человецех незнаемых в Восточной стране». В нём описания северных народов перемешаны с чудесами, но исследователи обнаруживают за фантастической оболочкой вполне реальные сведения о самодийском и угорском населении. Получался своеобразный средневековый путеводитель: несколько страниц достоверной этнографии, несколько страниц слухов — и никто особенно не беспокоился о границе между ними.

Со временем, однако, эта далёкая окраина всё сильнее втягивалась уже не только в торговые связи, но и в борьбу русских политических центров. Суздальские князья ещё в XII веке пытались перехватывать новгородских данников. Устюг контролировал важнейший участок пути на северо-восток и постоянно мешал новгородской монополии. Когда Устюг оказался в сфере московской власти, борьба за северные дороги постепенно стала частью более крупного противостояния Москвы и Новгорода. Таким образом, ещё до появления Москвы непосредственно в Сибири судьба сибирских путей уже зависела от борьбы за власть на самой Руси.

Поэтому ответ на вопрос, **были ли русские в Сибири до Ермака**, зависит только от того, что мы понимаем под словом «были». Были ли русские путешественники, торговцы, данники и вооружённые отряды за Уралом? Несомненно. Знали ли на Руси о Югре и землях дальше к востоку? Знали уже несколько столетий. Пытались ли Новгород, а затем Москва установить там политическую зависимость? Пытались и временами добивались признания своей верховной власти. Но существовало ли здесь устойчивое русское население, города, воеводское управление и непрерывный государственный контроль? **Нет.**

К началу XVI века Камень, таким образом, уже перестал быть границей известного русским мира. Его неоднократно переходили в обе стороны. За ним торговали, воевали, договаривались и собирали дань. Но между знанием дороги и заселением страны оставалась огромная дистанция. Чтобы русское присутствие за Уралом превратилось из серии походов и даннических связей в устойчивое движение населения, должна была измениться сама западная сторона этой границы. Там усиливалась Москва, под её власть переходили северные земли, осваивалась Пермь — и постепенно возникала новая база для движения на восток.

Именно об этом — **как Москва унаследовала старые северные дороги и попыталась превратить их в государственную границу**, — пойдёт речь дальше.

2.3. Москва наследует Новгороду

Москва пришла на северо-восток не на пустое место. К тому времени, когда московские князья смогли всерьёз заняться территориями от Северной Двины до Урала, здесь уже существовал сложный мир торговых дорог, промыслов, местных княжеств, новгородских владений и фактически самостоятельных общин. Поэтому расширение Московского государства на север и восток первоначально означало не столько освоение неизвестной страны, сколько попытку **поставить под государственный контроль уже существовавшие связи и территории**. Этот сюжет затем будет повторяться в Сибири много раз: сначала возникает дорога, промысел, поселение или местная система отношений, а потом появляется власть и старается объяснить всем участникам, что происходящее отныне регулируется ею.

Главным соперником Москвы здесь долго оставался Новгород. Ещё до окончательного присоединения Новгородской республики московские князья постепенно продвигались к её северо-восточной периферии. Особенно важным оказался Устюг: через него открывался путь на Вычегду, в Пермь, а далее — к Печоре и за Урал. Бахрушин отмечал, что с переходом Устюга под власть московского великого князя в XIV веке началось систематическое наступление Москвы на Двину и Печору. Новгородцы прекрасно понимали значение происходящего и неоднократно ходили на Устюг войной — в 1393, 1398, 1417 и 1425 годах. Спор шёл не за несколько далёких лесных волостей как таковых: тот, кто контролировал эти пути, получал доступ к огромному пушному миру северо-востока.

Однако даже здесь государство не было единственным действующим лицом. Бахрушин обращает внимание на любопытную закономерность: как раньше на новгородской окраине, так теперь и на московской впереди власти шли **торговые люди и промышленники**. Из Устюга они двигались по удобному пути на Вычегду, вступали в отношения с коми, проникали в пермские леса. Во второй половине XIV века в устье Вымы возникли владения пермских епископов, под покровительство которых попадали местные князья, а связи протягивались дальше к зауральским хантам. Иными словами, восточная граница представляла собой не линию, которую государство передвигало по карте, а широкую полосу разнообразных отношений — хозяйственных, политических, церковных и военных.

Особенно важной ступенью на пути к Сибири стала **Пермь Великая**. Для Москвы Прикамье имело значение не только как богатая пушниной территория, но и как естественный коридор к Уралу. Здесь существовали собственные политические структуры и местные князья, а московское влияние устанавливалось постепенно. Христианизация коми, связанная прежде всего с деятельностью Стефана Пермского в XIV веке, предшествовала окончательному политическому подчинению края. Москва получала всё больше возможностей вмешиваться в местные дела, но ещё долго не могла просто заменить существовавший порядок собственной администрацией.

В 1472 году Иван III предпринял большой поход на Пермь Великую. После него московское верховенство стало значительно более определённым, однако и это не означало мгновенного превращения Прикамья в обычный московский уезд. Местная власть сохранялась, старые отношения продолжали действовать, а государство прежде всего добивалось признания своей верховной власти и получения доходов. Подобная система вообще была удобна для огромной страны с медленными коммуникациями: Москве не требовалось, да она зачастую и не могла, управлять каждым далёким обществом непосредственно. Гораздо проще было заставить местного князя признать государя, платить дань и выполнять некоторые обязательства, оставив значительную часть повседневных дел прежним институтам.

После разгрома Новгорода в 1478 году положение изменилось ещё сильнее. Москва получила не только его земли, но и **его старые притязания, торговые направления и опыт**

движения на северо-восток. Это важно для понимания последующей истории. Московское государство не изобрело движение за Урал. Оно унаследовало инфраструктуру колонизации, которая складывалась столетиями, и попыталось превратить разрозненные связи в систему государственной зависимости. Вместе с новгородским наследством к Москве переходило и представление о Югре как о территории, с которой можно требовать дань.

Но между требованием дани и действительной властью лежало несколько тысяч километров лесов, рек и болот. Поэтому московская политика в Югре выглядит как последовательность впечатляющих походов, после которых территорию приходилось подчинять заново. В 1465 году по распоряжению Ивана III из Устюга отправился отряд Василия Скрыбки. Сам способ его формирования весьма характерен: рать была собрана из **«хотячих людей»** — добровольцев. Московский государь ставил задачу, но выполнять её должны были люди, найденные на месте и согласившиеся отправиться в далёкий поход. После успеха экспедиции князя Калпик и Течик признали московскую зависимость и получили обязанность собирать дань для великого князя, сохранив при этом власть над собственным населением. Даже академическая «История Сибири», описывающая этот процесс как подчинение Югры, оговаривает, что для её действительного подчинения потребовалось ещё много времени.

Получалась довольно своеобразная конструкция власти. Наверху находился московский государь, где-то далеко на востоке признававший его верховенство местный князь, а между ними — тысячи километров, по которым иногда приходили сборщики дани или вооружённые отряды. В повседневной жизни подавляющее большинство людей продолжало существовать в рамках собственных общин, родственных групп и местных политических порядков. Москва могла претендовать на верховную власть, но **управлять ежедневной жизнью этих обществ она практически не могла.** Это различие между государственным суверенитетом и реальным управлением станет одной из важнейших особенностей старой Сибири.

Следующий поход, в 1483 году, показал, насколько далеко уже могли проникать московские отряды. Воеводы Фёдор Курбский Чёрный и Иван Салтык-Травин перешли Урал, нанесли поражение силам местных князей, вышли к Иртышу и Оби и затем вернулись на Русь. В 1484 году представители югорской знати прибыли к великому князю и снова признали зависимость. Москва могла считать результат успехом: далёкие князья признали государя и обещали дань. Но если бы это означало действительное и прочное включение края в Московское государство, дальнейшие крупные походы просто не понадобились бы.

А они понадобились. В 1499–1500 годах за Урал отправилась новая экспедиция — уже более четырёх тысяч человек под руководством Семёна Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника. Люди шли зимой на лыжах и пользовались маршрутами, давно известными промышленникам и местному населению. Сам масштаб похода показывает одновременно и возросшие возможности Москвы, и ограниченность её предыдущих успехов: территория, формально признававшая московское верховенство, всё ещё требовала отправки настоящей армии.

Эта противоречивая ситуация хорошо объясняет, почему на старых картах государство часто выглядит могущественнее, чем оно было в действительности. Москва могла объявить далёкую землю своей, включить её название в государев титул, потребовать дани и время от времени отправлять туда войско. Но между такими проявлениями центральной власти проходили годы. За это время местные князья продолжали править, общины — решать собственные дела, промышленники — ходить по своим маршрутам, а население — приспосабливаться к условиям, зачастую почти не сталкиваясь с представителями московской администрации.

Здесь начинает проступать черта, которую мы ещё много раз увидим уже в собственно сибирской истории. **Слабость непосредственного государственного управления не означала отсутствия порядка.** Люди не ждали столичного чиновника, чтобы организовать промысел, договориться о дороге, выбрать руководителей похода, решить местный спор или

защищать поселение. Часть этих функций выполняли князья и богатые хозяева, часть — общины, часть — временные объединения людей, созданные для конкретной задачи. Разумеется, это не была демократия в современном смысле и тем более не идиллия равных и свободных людей. Местная власть могла быть жёсткой, богатство давало огромные преимущества, а вооружённая сила нередко решала спор быстрее обычая. Но способность общества **действовать самостоятельно при слабом присутствии далёкого государства** была не исключением, а нормальным условием жизни северо-восточной окраины.

В этом смысле государство и общество двигались на восток разными способами. Государство распространяло титулы, даннические обязательства и военные притязания. Люди распространяли дороги, промыслы, торговые связи и поселения. Иногда эти процессы совпадали, иногда один опережал другой, а иногда между ними возникал прямой конфликт. Бахрушин даже проводил параллель между новгородской и московской окраиной: в обоих случаях торговые люди и промышленники оказывались впереди представителей власти.

Для нашей истории это существенно ещё по одной причине. Позднейшая традиция сибирского областничества будет говорить о способности Сибири к самостоятельной общественной жизни как об одной из её исторических особенностей. Было бы анахронизмом превращать югорских князей XV века или русских промышленников в областников за четырёх лет до Потанина. Но сама **практика жизни на огромном расстоянии от центра, при высокой роли местной инициативы и самоуправления**, действительно появилась раньше областнической теории. Сначала существовала историческая привычка решать множество вопросов на месте — значительно позднее появилась политическая мысль, которая увидела в этой привычке особую сибирскую традицию.

К началу XVI века Москва, таким образом, получила северные дороги Новгорода, закрепила в Перми, неоднократно посылала войска за Урал и могла предъявлять старые и новые притязания на Югру. Но настоящей русской Сибири всё ещё не существовало. Между отдельным походом и постоянным поселением оставалась принципиальная разница.

Заполнить это пространство предстояло уже не одним государевым ратям. На восточной окраине Московского государства появлялись люди, располагавшие собственными деньгами, вооружёнными отрядами и хозяйственными интересами. Самыми знаменитыми из них станут **Строгановы** — и с ними отношения государства, частной силы и местной самостоятельности сделаются ещё запутаннее.

2.4. Пермь, Урал и Строгановы

Если московские походы в Югру показывают, как государство пыталось распространить свою власть за Камень, то история Строгановых демонстрирует другой механизм продвижения на восток. Здесь государь не строил города, не содержал гарнизоны и не переселял крестьян непосредственно. Он выдавал грамоту частному владельцу, предоставлял ему огромные права — а дальше тот должен был сам добывать соль, искать людей, основывать поселения, защищать их и постепенно расширять освоенное пространство. Получалось своеобразное разделение труда: Москва объявляла территорию своей, но значительную часть практической работы по её освоению выполняли люди, находившиеся за сотни и тысячи вёрст от Москвы.

Род Строгановых поднялся на торговле и солеварении. В XVI веке соль была товаром совершенно иного значения, чем сегодня: без неё невозможно было долго хранить мясо и рыбу, а значит, огромные соляные промыслы давали своим владельцам состояние и возможность вести дела почти государственного масштаба. В 1558 году Иван IV пожаловал Григорию Строганову обширные земли по Каме, а затем владения семьи распространились дальше, в том числе на Чусовую. Возникали солеварни, деревни, починки и укреплённые городки. Территория заселялась русскими крестьянами и промысловыми людьми, и хозяйственная граница постепенно приближалась к Уралу. Бахрушин именно с деятельностью Строгановых связывает превращение Чусовой в один из важнейших плацдармов дальнейшего русского движения на восток.

Масштаб предоставленных им полномочий сегодня выглядит поразительно. Строгановы могли строить крепости, держать вооружённых людей и артиллерию. В 1568 году Яков Строганов получил разрешение поставить укрепления у нового соляного промысла на Чусовой; так возник Нижне-Чусовской городок, позднее — Верхне-Чусовской. Другие укрепления появились на Яйве и Сылве. Это были не государственные города в обычном смысле, а, по выразительному определению Бахрушина, **укреплённые усадьбы вотчинников**. За деревянными стенами находились хозяйские хоромы, амбары, погреба, бани и хозяйственные постройки, но одновременно здесь имелись пушки, пищали, самопалы, запасы пороха, свинца и ядер. Даже селитру для изготовления пороха Строгановы варили сами.

В 1572 и 1574 годах они получили право набирать для защиты своих владений **«охочих людей» — казаков и стрельцов**. Когда в 1581 году опасность новых нападений усилилась, московское правительство снова разрешило им принимать желающих на службу и собственными силами защищать слободы, деревни и починки. Формально всё это происходило с государева разрешения. Практически же на далёкой окраине существовала частная территория, хозяева которой сами основывали поселения, содержали укрепления, вооружали людей, организовывали оборону и вступали в отношения с соседними народами. Московскому государству было выгодно такое устройство прежде всего потому, что значительную часть расходов несло не оно.

Перед нами поэтому интересный промежуточный мир между государством и обществом. Строгановские владения нельзя называть примером народного самоуправления: огромная власть принадлежала богатейшим вотчинникам, и зависимый от них крестьянин едва ли воспринимал их хозяйство как царство свободы. Но и обычной государственной администрацией оно не было. Сам Бахрушин пишет о возникновении на границе русских земель **«крупных латифундий, почти не зависимых от Москвы»**, через которые русское влияние распространялось среди соседних хантов и манси и постепенно проникало на Урал. Для нашей истории это особенно показательное: чем дальше от центра, тем чаще реальные функции власти выполнял тот, кто находился на месте и располагал людьми и средствами.

Причём самостоятельность существовала не только на уровне самих Строгановых. Их хозяйство невозможно было бы построить исключительно приказами сверху. В огромном пространстве между поселениями люди должны были сами организовывать значительную часть повседневной жизни. Промысловые артели уходили на месяцы в леса; крестьяне основывали новые починки; казаки собирались в вооружённые отряды; население городков при нападении превращалось в их защитников. Москва не могла ежедневно распоряжаться этим миром даже при большом желании. Чем дальше человек уходил от Камы к Чусовой и Уралу, тем больше зависел не от распоряжения далёкого приказа, а от соседей, местных договорённостей и собственной способности действовать.

Однако продвижение русских происходило не по ничейной земле. В Приуралье жили прежде всего коми, ханты и манси, существовали местные князья и собственные хозяйственные территории. Расширение строгановских владений неизбежно меняло сложившееся соотношение сил. Где-то возникали торговые отношения и соглашения, где-то местное население попадало в зависимость, а где-то дело доходило до вооружённого столкновения. Поэтому слово «освоение», удобное для описания строительства поселений и хозяйства, не должно скрывать вторую сторону процесса: земля, которую осваивал один человек, нередко уже была землёй другого.

Особенно напряжённой стала ситуация на Чусовой. За Уралом находилось Сибирское ханство Кучума, а в Приуралье жили мансийские князья, отношения которых со Строгановыми были далеко не мирными. Московские грамоты позволяли владельцам Чусовой действовать против тех, кто нападал на их поселения, и тем самым частная хозяйственная граница постепенно превращалась в военную. К концу 1570-х годов здесь уже существовала вооружённая зона соприкосновения двух миров. С одной стороны — русские слободы, строгановские городки и наёмные люди; с другой — мансийские князья и политические силы, связанные с Сибирским ханством.

События 1580–1581 годов показали, насколько условным было представление о неуклонном движении русской границы только в одну сторону. Мансийский мурза Бегбелий Агтаев разорил русские селения на Чусовой, а затем князь Кихек захватил и сжёг Соликамск, разорил слободы и деревни и увёл жителей. Владения Семёна и Максима Строгановых понесли тяжёлые потери. Лишь после ожесточённого столкновения люди Строгановых сумели разбить отряд Кихека. Русская колонизация XVI века была, таким образом, вовсе не прогулкой вооружённых европейцев среди населения, неспособного им сопротивляться. Граница могла двигаться и обратно, а недавно возникшее русское поселение вполне могло исчезнуть после одного удачного нападения.

Именно необходимость самостоятельно защищаться заставляла окраинное общество приобретать черты, которые впоследствии будут постоянно воспроизводиться в Сибири. Человек, живущий рядом с Москвой, мог хотя бы надеяться, что в случае серьёзной угрозы государственная сила находится сравнительно близко. На Чусовой такой надежды было недостаточно. Пока сообщение о нападении дошло бы до властей, пока там приняли бы решение и собрали людей, защищать деревню было бы уже некому. Поэтому вооружение, местные укрепления, договорённости с соседями и способность быстро собрать отряд являлись не политической теорией, а условием выживания.

Это важное уточнение к нашему разговору о сибирской самостоятельности. Она рождалась не потому, что первые поселенцы прочитали трактат о пользе самоуправления и решили жить без начальства. **Её производило само пространство.** Огромные расстояния и слабость коммуникаций заставляли передавать решения вниз. Государство могло определить общую рамку, выдать грамоту, потребовать дань или прислать воеводу, но очень многое приходилось решать непосредственно на месте. Отсюда ещё не следует ни политическая свобода, ни социальное равенство: пример Строгановых как раз показывает, что отсутствие сильного государ-

ственного начальника может означать появление сильного частного хозяина. Но одновременно возникала устойчивая привычка к тому, что далёкий центр не способен устроить жизнь за тебя.

Даже дороги прекрасно показывают пределы такой власти. Чусовая стала одним из путей к Сибири, однако государство долго не могло превратить её в нормально обслуживаемую казённую магистраль. В XVII веке правительственные гонцы избегали этого пути, потому что там не существовало ямской системы, а Строгановы пользовались привилегией не предоставлять государевым людям подвод, суда и гребцов. Бахрушин приводит почти комическую картину: для срочного государственного дела сначала приходилось отправлять человека за судами и гребцами к Соли Камской, потому что получить их непосредственно во владениях Строгановых было нельзя. Московское государство считало эту землю своей, но даже собственную почту не всегда могло провести через неё удобным способом.

И всё же было бы ошибкой свести историю Строгановых к частному государству на Каме. Их владения существовали благодаря царским грамотам, государство подтверждало их права и было заинтересовано в укреплении восточной окраины. Бахрушин справедливо замечал, что строгановские городки, первоначально созданные из хозяйственных соображений, фактически стали форпостами русского продвижения и важной военной защитой границы. Москва и местная инициатива здесь не столько исключали друг друга, сколько образовывали странный союз: государство давало юридическое разрешение, а люди на месте превращали его в реальную силу.

В этом смысле история Строгановых хорошо показывает, насколько неточно представлять присоединение Сибири как единый государственный проект. На западном склоне Урала одновременно действовали московское правительство, богатые частные хозяева, крестьяне-переселенцы, промышленники, торговцы, казаки, местные князья и общины. У каждого были собственные интересы. Государство хотело подданных и доходов, Строгановы — земель и прибыли, крестьянин — хозяйства, промышленник — добычи, казак — службы, жалованья или удачи. Иногда эти интересы складывались в одно направление — на восток. Но из этого ещё не следовало, что все участники выполняли один заранее составленный московский план.

И здесь мы впервые можем достаточно отчётливо увидеть ту историческую основу, на которую много позднее будут ссылаться сторонники идеи сибирской самостоятельности. **Самостоятельность на восточной окраине первоначально была не программой, а практикой.** Люди организовывали хозяйство, поселения, оборону и значительную часть отношений между собой там, где центральная власть физически не могла заниматься этим постоянно. Государство приходило следом, закрепляло, регулировало и облагало налогами уже возникшие отношения — хотя иногда само открывало путь или сознательно поощряло движение. Именно из такого постоянного сочетания местной инициативы и далёкой верховной власти впоследствии вырастет особый сибирский опыт управления собой.

А пока этот механизм породил событие, которое заслонило в массовой памяти всё, что происходило до него. После разорения Прикамья Строгановы воспользовались своим правом набирать вооружённых людей. В их владениях появился казачий отряд во главе с человеком, о происхождении и даже биографии которого историки спорят до сих пор.

Его звали **Ермак Тимофеевич**.

Но прежде чем отправлять Ермака через Камень, стоит посмотреть, что находилось по другую сторону Урала. Потому что там тоже не сидели неподвижно и не ждали русских. **Две Сибири уже двигались навстречу друг другу.**

2.5. Две Сибири идут навстречу друг другу

К концу XVI века по обе стороны Урала существовали два мира, которые уже давно знали друг о друге, торговали, воевали и предъявляли взаимные притязания. На западе к самому Камню подошла русская колонизация: Пермь была включена в Московское государство, на Каме и Чусовой стояли строгановские поселения, по северным дорогам русские несколько столетий ходили в Югру. На востоке находилось Сибирское ханство Кучума, власть которого распространялась на татарские улусы и в той или иной степени на часть хантыйских, мансийских и башкирских земель. Поэтому поход Ермака не открыл дверь между двумя совершенно незнакомыми странами. Дверь давно была открыта — и через неё уже ходили в обе стороны.

Отношения Сибирского ханства с Москвой тоже начались не с Ермака. Как мы уже видели, ещё при Едигере московский царь рассматривался как далёкий покровитель, которому хан соглашался платить дань. После прихода к власти Кучума ситуация изменилась не сразу. Даже он в 1572 году ещё согласился признать вассальную зависимость от Ивана IV, принял царского посланника Третьяка Чубукова и обещал собрать дань. Но уже следующим летом отношения окончательно перешли в вооружённую фазу. Племянник Кучума Маметкул вторгся во владения Строгановых, Чубуков был убит, а хан запретил зависимым от него хантыйским и мансийским князьям платить дань Москве.

Здесь особенно хорошо видно, насколько плохо к XVI веку применима привычная нам идея чёткой государственной границы. Одни и те же хантыйские или мансийские общества могли оказаться объектом притязаний нескольких центров. Москва считала их своими данниками после прежних походов в Югру; Кучум считал их своими подданными; местный князь при этом мог считать прежде всего своим собственным делом, кому выгоднее платить в данный момент. Дань была не только налогом, но и знаком политической зависимости. Поэтому спор о том, кому уйдут соболи, одновременно являлся спором о том, кто здесь государь.

Само Сибирское ханство также не было централизованным государством современного типа. Кучум пришёл к власти в результате борьбы с Тайбугинами, и далеко не все местные силы воспринимали его как естественного правителя. Академическая «История Сибири» отмечает сопротивление ему части татарской знати, а также некоторых хантыйских и мансийских князей; свою власть хан первоначально укреплял в том числе с помощью пришедших с ним воинов. После победы он собирал ясак через местных владельцев, от которых требовал также участия в военных походах. Поэтому и здесь за большим пятном на карте скрывалась сеть довольно самостоятельных улусов, княжеств и общин.

В каком-то смысле по обе стороны Камня существовала одна и та же политическая проблема. И московский царь, и сибирский хан претендовали на значительно большее пространство, чем могли непосредственно контролировать. Между верховной властью и обычным человеком находились местные князья, владельцы, общины и вооружённые группы. И те и другие государства вынуждены были мириться с высокой степенью местной самостоятельности, пока население признавало основные обязательства — прежде всего дань и военную помощь. Поэтому дальнейшая борьба была не столкновением двух идеально организованных государственных машин. Скорее соперничали два центра власти, каждый из которых пытался притянуть к себе целую россыпь местных обществ.

Эта особенность имела огромные последствия. Когда впоследствии Кучум потерпит военное поражение, его политическая система начнёт рассыпаться гораздо быстрее, чем могла бы рухнуть современная бюрократическая держава. Местные князья не обязательно должны были погибать вместе с ханом. Они могли отойти от него, договориться с казаками, признать другого верховного правителя или попытаться сохранить независимость. Во время решающих боёв часть подвластных Кучуму хантыйских и мансийских сил действительно покинет его вой-

ско. Но точно так же поражение самого Ермака ещё не означало исчезновения русского присутствия: на место одного отряда мог прийти другой. Борьба шла не только между армиями, но и за то, **кому будут подчиняться — и насколько вообще будут подчиняться — местные общества.**

Именно здесь полезно вспомнить современного сибирского историка Дмитрия Верхотурова, который свою книгу назвал вызывающе: **«Покорение Сибири: мифы и реальность»**. Значительную её часть он посвятил критике привычного школьного сюжета, в котором Ермак появляется почти из ниоткуда, разбивает Кучума — и тем самым «покоряет Сибирь». Такая картина слишком хорошо подходит для памятника и слишком плохо — для понимания длительного исторического процесса. Верхотуров сознательно заостряет эту мысль, иногда вступая в довольно резкий спор с традиционной историографией. Не со всеми его реконструкциями обязательно соглашаться, особенно там, где источники поздние и противоречивые. Но сам вопрос он ставит совершенно справедливо: **что именно покорил Ермак и можно ли вообще свести присоединение огромной Сибири к одному казачьему походу?**

Проблема тем более интересна, что источники о самом походе Ермака удивительно ненадёжны. Казалось бы, перед нами одно из самых знаменитых событий русской истории XVI века — должны быть известны хотя бы год выступления, состав отряда и обстоятельства его появления у Строгановых. Но даже с этим возникают трудности. Сергей Бахрушин подробно разбирал сибирские летописи и показывал, что они расходятся в хронологии. Есиповская и Строгановская летописи дают разные даты начала похода, а Ремезовская сохранила ещё одну традицию, причём её хронология местами содержит явные ошибки. Даже продолжительность самого похода реконструируется по-разному.

Не меньше споров вызывает происхождение Ермака и обстоятельства появления его дружины на Чусовой. Академическая «История Сибири» прямо признавала сведения о биографии атамана скудными и противоречивыми. Его считали донским или волжским казаком; существовала и версия, связывавшая его с Приуральем. Спорной оставалась даже дата начала похода. Поздние сказания постепенно заполнили эти пробелы красочными подробностями, и в результате литературный Ермак известен нам иногда лучше исторического.

Особенно соблазнительно представить всю историю как хорошо подготовленную строгановскую операцию: хозяева пригласили казаков, снабдили их оружием, указали дорогу и отправили завоёвывать ханство, а Москва затем с удовлетворением приняла готовый подарок. Такая версия действительно существует в источниках, но сами источники формировались позднее и противоречат друг другу. Бахрушин показывал, как рассказы о Ермаке обрастали подробностями и как позднейшие авторы перерабатывали более ранние тексты. Даже знаменитая предпологаемая отписка Ермака царю в известной нам форме, по его мнению, была поздней литературной конструкцией. Поэтому в следующей главе нам придётся несколько раз повторить неприятную для автора исторической книги фразу: **мы этого точно не знаем.**

Но неопределённость деталей не означает неопределённости общей ситуации. На западной стороне Урала к началу 1580-х годов существовали русские поселения, богатые строгановские владения и вооружённые силы, которые должны были защищать их практически самостоятельно. На восточной стороне находилось ханство Кучума, которое стремилось восстановить или расширить своё влияние на приуральские народы и прекратить выплату ими дани Москве. В 1580 году мурза Бегбелий Агтаев разорил русские поселения на Чусовой, а в следующем году князь Кихек захватил и сжёг Соликамск, разорил слободы и деревни и увёл жителей. После тяжёлого столкновения его отряд был разбит людьми Строгановых.

На этом фоне появление казаков выглядит уже не случайным приключением группы удалцов, решивших посмотреть, что находится за горами. Пограничье было вооружено задолго до них. С обеих сторон совершались набеги, действовали местные князья, спорили за

данников, укрепляли поселения и искали союзников. Отряд Ермака оказался новой и чрезвычайно действенной силой внутри уже существовавшего конфликта.

И здесь возникает ещё одна тема, принципиальная для нашей книги: **казацья дружина сама была обществом с высокой степенью внутреннего самоуправления**. Это не регулярный полк Московского государства, в котором назначенный царём командир получил приказ и повёл подчинённых выполнять государственную задачу. Казацьи сообщества выбирали атаманов, обсуждали важнейшие решения кругом, делили добычу и строили внутреннюю дисциплину на собственных правилах. Разумеется, казацья вольность не должна превращаться в красивую легенду: дисциплина в военном походе могла быть суровой, казаки занимались грабежом и насилием, а отношения внутри дружины совсем не обязательно соответствовали современному представлению о равенстве. Но принципиально важно, что отряд Ермака обладал собственной организацией и собственной волей.

Это обстоятельство делает вопрос «кто покорил Сибирь?» ещё менее удобным. Если отвечать «Московское государство», сразу возникает проблема: первые решающие действия совершает не царская армия. Если отвечать «Строгановы», придётся доказывать, насколько действительно они управляли действиями казаков. Если отвечать «Ермак», мы превращаем несколько сотен людей в самостоятельную историческую силу и одновременно рискуем забыть всех остальных. Советская академическая история формулировала ответ в характерном для своего времени духе: начало присоединению Сибири положили не правительственные войска, а «выходцы из народа» — казаки Ермака, а царское правительство затем воспользовалось их победой для распространения своей власти. В этой формуле чувствуется идеология эпохи, но содержащаяся в ней проблема вполне реальна: **инициатива на границе действительно далеко не всегда исходила из центра**.

Для областнического взгляда на историю Сибири это особенно существенно. Нельзя механически перенести политические идеи XIX или XXI века в XVI столетие и объявить Ермака борцом за сибирскую автономию — ничего подобного он, конечно, не был. Но можно увидеть более глубокую историческую закономерность. Сибирское пространство с самого начала русского движения требовало от людей способности организовываться без постоянного руководства центра. Новгородские промышленники уходили на восток раньше устойчивой администрации. Московские походы опирались на «хотячих людей». Строгановы содержали собственные крепости и вооружённые силы. Теперь на границе появилась самоуправляющаяся казацья дружина, которая вскоре самостоятельно перейдёт Урал.

Таким образом, **самостоятельность возникла в Сибири раньше, чем идея сибирской самостоятельности**. Пока это ещё не областничество, не автономизм и даже не сознательная политическая программа. Это практический навык общества, живущего на огромном расстоянии от центра: собраться, выбрать руководителя, договориться, вооружиться, построить поселение, организовать промысел и принять решение, не ожидая инструкции из столицы. Иногда такая самостоятельность принимала форму общинного самоуправления, иногда — казацкого круга, иногда — власти местного князя, а иногда, как у Строгановых, превращалась в почти независимую власть богатого хозяина. Формы были разными и далеко не всегда привлекательными, но общий принцип повторялся: **местная жизнь была самостоятельнее формальной политической карты**.

К началу 1580-х годов поэтому навстречу друг другу двигались даже не две армии и не два народа. Встречались две сложные пограничные системы. За Уралом Кучум пытался удерживать сеть зависимых от него князей и общин. Перед Уралом Москва пыталась закрепить своё верховенство над территорией, значительная часть которой фактически жила усилиями местных людей. Между ними находились Строгановы, казаки, татары, манси, ханты, торговцы, промышленники и множество людей, для которых выбор политической стороны мог быть вопросом не высокой государственной идеи, а безопасности, дани, торговли или старой вражды.

А затем несколько сотен казаков сели в струги и пошли вверх по Чусовой.

На этом предыстория заканчивается. В следующей главе начинается **Ермак** — но уже не легендарный богатырь, который одним ударом «покорил Сибирь», а человек внутри гораздо более длинной и сложной истории.

Глава 3. Ермак и Сибирское ханство

3.1. Кто такой Ермак?

Есть исторические деятели, которых мы знаем прежде всего по документам, а есть люди, которых почти полностью заслонила собственная легенда. Ермак принадлежит ко вторым. В массовом представлении его биография выглядит удивительно цельной: могучий казачий атаман собирает дружину, получает поддержку Строгановых, переходит Урал, разбивает хана Кучума и преподносит завоёванную Сибирь Ивану Грозному. Для памятника сюжет почти идеальный. Беда только в том, что при попытке разобрать его по документам уверенность начинает исчезать буквально с первого вопроса: **кто вообще был Ермак до того, как отправился в Сибирь?**

Мы не знаем даже его настоящего имени с полной уверенностью. В источниках встречается прежде всего Ермак или Ермак Тимофеев, позднее возникли варианты Ермолай, Герман, Василий Тимофеевич Аленин и другие попытки превратить короткое казачье имя в полноценную биографию. Неизвестно точно и его происхождение. Ермака связывали с Доном, Волгой, Северной Русью, Приуральем. Чем позднее источник, тем больше он обычно знает подробностей: кто были родители атамана, где он родился, чем занимался в молодости. Для историка это должно вызывать не радость, а подозрение. Сергей Бахрушин, подробно разбиравший сибирские летописи, постоянно сталкивался с тем, что позднейшие рассказы дополняли первоначальную традицию новыми подробностями и пытались согласовать уже существовавшие легенды между собой.

Это не означает, что об Ермаке неизвестно вообще ничего. До сибирского похода он, судя по сохранившимся сведениям, уже был опытным казачьим атаманом. Казачьи отряды XVI века действовали на Волге и других пограничных пространствах, воевали, занимались промыслами и торговлей, нанимались на службу и нередко доставляли властям столько же хлопот, сколько пользы. Граница между государственной службой, самостоятельным военным предприятием и откровенным разбоем здесь была весьма подвижной. Человек мог сегодня участвовать в войне на стороне царя, завтра уйти с товарищами за добычей, а послезавтра снова оказаться полезным государству. Поэтому попытка задним числом определить каждого казака либо как государственного служащего, либо как преступника плохо соответствует самому устройству пограничного мира XVI века.

Ермак был не один. Вместе с ним источники называют других атаманов — Ивана Кольцо, Матвея Мещеряка, Никиту Пана, Якова Михайлова. Позднейшая героическая традиция естественным образом выдвинула одного главного героя, потому что память любит одного богатыря значительно больше, чем собрание вооружённых людей, спорящих о том, куда плыть дальше. Но поход был предприятием **казачьей дружины**, а Ермак являлся её наиболее влиятельным руководителем. Это различие важно: если мы превратим всех остальных в безмолвных исполнителей его воли, то незаметно перенесём устройство регулярной армии на сообщество, организованное совершенно иначе.

Казачья дружина обладала значительной степенью самоуправления. Атаман имел большую власть во время похода, особенно в боевой обстановке, но его положение основывалось не на царском назначении. Важнейшие вопросы решались коллективно, существовал круг, а авторитет руководителя зависел от признания товарищей. Это была вооружённая демократия весьма своеобразного свойства: суровая дисциплина сочеталась с выборностью начальства, а равенство внутри товарищества — с насилием по отношению к тем, кто находился за его пределами. Идеализировать казачество поэтому не стоит. Но для нашей истории существенно

другое: **один из переломных эпизодов истории Сибири начал осуществляться организацией, способной принимать решения без непосредственного руководства государства.**

И вот здесь возникает неудобный вопрос: **кто же отправил Ермака покорять Сибирь?**

Самый привычный ответ — Строгановы. В их владения пришли казаки, владельцы снабдили их продовольствием, оружием и припасами, после чего дружина отправилась через Урал против Кучума. Именно такую картину особенно подробно развивает Строгановская летопись. Она прекрасно объясняет всё происходящее и одновременно чрезвычайно выгодна самим Строгановым: получается, что именно их предусмотрительность и инициатива положили начало присоединению Сибири. Проблема в том, что летопись была создана значительно позднее описываемых событий и отражала традицию, связанную со строгановским домом.

Бахрушин относился к этой версии критически. Сопоставляя Строгановскую, Есиповскую, Ремезовскую летописи и другие свидетельства, он показывал, насколько сильно расходятся рассказы даже в основных деталях. Источники по-разному объясняют появление казаков у Строгановых, называют разные даты и выстраивают различные последовательности событий. Поэтому фраза «Строгановы отправили Ермака завоёвывать Сибирь» звучит гораздо увереннее, чем позволяют говорить источники.

Тем более трудно представить поход как заранее подготовленную государственную операцию. Иван Грозный не вручал Ермаку приказ завоевать Сибирское ханство. Напротив, отношения Москвы с вольными казаками были сложными, а государство стремилось контролировать их деятельность. Само русское пограничье жило в постоянном противоречии: царю нужны были вооружённые люди, способные воевать там, где регулярная государственная сила была слабой, но те же самые люди плохо подчинялись власти и могли действовать по собственному усмотрению. Казаки были полезны именно благодаря своей самостоятельности — и опасны по той же самой причине.

Здесь современный историк Дмитрий Верхотуров предлагает особенно резкую ревизию традиционного рассказа. Уже названием первой части своей книги — **«Миф первый. Покорение Сибири Ермаком»** — он предупреждает читателя, что собирается спорить не с отдельными подробностями, а с самой привычной конструкцией. Для Верхотурова важно отделить реальные действия казачьей дружины от позднейшей государственной легенды, в которой самостоятельный поход постепенно превращается в первый акт заранее направленного из Москвы завоевания. В его интерпретации Ермак оказывается значительно менее удобной фигурой для официальной истории: не государев воевода, а самостоятельный атаман, действия которого государство уже потом смогло включить в собственный рассказ о расширении России.

С Верхотуровым не обязательно соглашаться во всех деталях. Его книга сознательно полемична, а некоторые реконструкции опираются на источники, возникшие намного позднее самих событий. Но здесь его постановка вопроса чрезвычайно полезна. Историк не обязан выбирать только между двумя красивыми легендами — «царь послал Ермака» и «вольный народ сам завоевал Сибирь». Между ними находился гораздо более интересный мир, в котором действовали государство, крупные собственники, местные общества и вооружённые сообщества, причём никто не контролировал происходящее полностью.

Особенно хорошо это видно из знаменитого царского послания Строгановым. Когда Москва получила известия о событиях на восточной границе, Иван IV вовсе не поздравил предпринимателей с прекрасно начатым покорением Сибири. В источниках сохранилось распоряжение вернуть казаков и использовать их для защиты строгановских владений. Сам факт такой реакции плохо согласуется с картиной заранее утверждённого царём завоевательного похода. Если в Москве действительно существовал подробный план отправить Ермака против

Кучума, царю пришлось бы довольно странным образом сначала организовать экспедицию, а затем потребовать прекратить её.

Но и здесь нельзя слишком быстро переворачивать старую легенду вверх ногами. Из того, что Москва первоначально не руководила походом, ещё не следует, что Строгановы совершенно не имели к нему отношения. Казаки оказались в их владениях, получали там снабжение, а военная ситуация на Чусовой создавала прямой интерес к удару по силам, связанным с Кучумом. Спор идёт скорее о **степени их участия и контроля**. Помогали ли Строгановы уже сформировавшемуся казачьему предприятию? Сами ли предложили поход? Смогли ли направить дружину, но затем потеряли над ней контроль? Источники позволяют строить версии, но не превращать одну из них в стенограмму событий.

Не меньше споров вызывает дата самого выступления. В литературе долго сосуществовали 1579, 1581 и 1582 годы, потому что летописные традиции противоречат друг другу. Бахрушин специально разбирал эту путаницу и показывал, насколько трудно согласовать сообщения источников. Для популярного рассказа разница в год или два кажется мелочью, но она имеет принципиальное значение: от датировки зависит, как поход Ермака соотносится с нападениями на строгановские владения, распоряжениями царского правительства и общим развитием конфликта с Кучумом.

Так перед нами постепенно проступает настоящий Ермак — и он интереснее памятника. Мы почти не видим его лица, не знаем наверняка места рождения и не можем восстановить молодость. Зато достаточно хорошо видим **тип общества, которое сделало появление такого человека возможным**. На далёкой границе государственная власть была необходимой, но недостаточной. Расстояния заставляли людей вооружаться, объединяться, выбирать собственных руководителей и самостоятельно принимать решения. Казачество довело эту способность до особенно яркой формы.

Именно поэтому история Ермака так важна для разговора о сибирской самостоятельности. Было бы нелепо записывать атамана в предшественники Потанина или приписывать ему идеи территориальной автономии. Но сама социальная практика, на которой позднее могла вырасти идея самостоятельности, уже существовала. **Люди на восточной границе привыкли действовать прежде, чем из центра приходило решение**. Государство могло затем признать результат, присвоить его, узаконить или попытаться отменить, но инициатива уже состоялась.

В этом отношении история сыграла с официальной легендой забавную шутку. Чтобы создать великого героя государственного расширения, пришлось выбрать человека, который, насколько позволяют судить источники, отправился совершать свой главный подвиг **без государственного приказа**. Позднее Москва действительно воспользуется результатами его предприятия, пришлёт своих людей и начнёт строить за Уралом собственную администрацию. Но в тот момент, когда дружина собиралась уходить с Чусовой, будущая государственная Сибирь существовала ещё только как одна из возможных развязок.

Казаки сами должны были решить, идти ли им дальше.

И они решили идти **за Камень**.

3.2. За Камень

Самый знаменитый поход в истории Сибири начинается с обстоятельства, которое для знаменитых походов довольно неудобно: мы не можем совершенно уверенно сказать, **когда именно он начался**. В старой литературе чаще всего встречались 1581 и 1582 годы, а отдельные реконструкции отодвигали начало предприятия ещё дальше назад. Разногласие возникло не потому, что историки никак не научатся читать календарь, а потому, что основные повествовательные источники были записаны позднее событий и противоречат друг другу. Бахрушин подробно разбирал хронологию сибирских летописей и показывал, что попытка механически сложить их сообщения создаёт новые противоречия. Поэтому разумнее не делать вид, будто мы располагаем походным журналом Ермака. Перед нами реконструкция, некоторые детали которой остаются спорными.

Не намного надёжнее знаменитая сцена, с которой обычно начинается экспедиция: Строгановы торжественно снабжают казаков оружием, продовольствием, пушками и проводниками и отправляют их завоёвывать царю новое царство. Именно строгановская традиция особенно подробно описывает подготовку похода, что неудивительно: в таком рассказе роль самой семьи становится почти государственной. Бахрушин относился к этим подробностям осторожно, поскольку различные летописные версии по-разному описывают и появление дружины, и отношения Ермака со Строгановыми. Дмитрий Верхотуров идёт ещё дальше и делает саму историю о заранее организованной Строгановыми экспедиции одной из мишеней своей критики традиционного мифа о «покорении Сибири». Здесь лучше оставить спор открытым: помощь Строгановых вполне вероятна и в той или иной форме подтверждается традицией, но степень их контроля над казаками установить значительно труднее.

Численность дружины тоже плавает вместе с источниками. Самая известная цифра — **540 казаков**, к которым могли присоединиться люди Строгановых, в том числе служилые татары и другие участники, так что общая численность отряда в некоторых реконструкциях приближается к восьми сотням. В других рассказах цифры отличаются. Для понимания событий точное число не столь существенно, как порядок величины: речь шла не о многотысячной царской армии. Через Урал двинулись несколько сотен вооружённых людей. Именно они собирались вмешаться в борьбу на территории ханства, способного выставить против них значительно более многочисленные силы.

Почему они вообще решились на такое предприятие? Поздняя легенда отвечает просто: потому что собирались завоевать Сибирь. Но человек редко начинает великое историческое событие с пониманием того, как оно будет называться через четыреста лет. У казаков могли быть значительно более непосредственные цели: добыча, безопасность, возможность найти новое место службы и промысла, удар по противникам строгановских владений. Самостоятельный вооружённый отряд жил войной и тем, что война могла ему принести. Только по мере продвижения первоначальный набег или военное предприятие могло превратиться в попытку установить собственную власть над огромной территорией. Именно поэтому вопрос о первоначальном замысле Ермака остаётся важным: **завоевание Сибири могло оказаться результатом похода, не будучи его первоначальным планом**.

Казачья дружина представляла собой довольно подходящий инструмент для такого рискованного предприятия. Она не тащила за собой тяжёлого государственного аппарата, не нуждалась в длинной цепочке приказов и могла принимать решения непосредственно на месте. Казаки выбирали атаманов и обсуждали важные вопросы на круге. Ермак был главным руководителем, но рядом с ним действовали другие атаманы, имевшие собственный авторитет. Во время боя требовалось беспрекословное выполнение приказов, но решение самого сообщества о продолжении похода имело коллективный характер. Получалось сочетание, весьма характер-

ное для казачества: **самоуправление при принятии общих решений и жёсткая дисциплина при их исполнении.**

Для нашей темы это особенно интересно. Сибирское предприятие Ермака началось не с создания нового приказа в Москве, а с самоорганизации людей непосредственно на границе. Их устройство не следует романтизировать: вооружённая казачья демократия была демократией прежде всего для членов самого товарищества, а встреченным на пути людям от её демократичности легче становилось далеко не всегда. Но способность нескольких сотен человек самостоятельно выбрать руководство, распределить обязанности, организовать снабжение и отправиться за сотни километров от ближайшей устойчивой русской администрации сама по себе показывает, насколько значительной могла быть автономия пограничных сообществ.

Главным транспортом были струги — речные суда, на которых можно было перевозить людей, припасы и оружие. Это обстоятельство определяло почти весь характер экспедиции. Сибирь покорялась — если пока воспользоваться традиционным словом — прежде всего **по рекам**. Дорог в современном смысле почти не существовало, зато речные системы образовывали естественную сеть, по которой можно было проникнуть чрезвычайно далеко. Та же география, которая столетиями вела новгородцев и промышленников на северо-восток, теперь позволяла двигаться целому вооружённому отряду.

С Чусовой дружина поднялась к её верховьям. Дальше начинался наиболее трудный участок — переход через водораздел. Струги приходилось проводить по мелким рекам, перетаскивать через волоки, разгружать, снова нагружать. Позднейшие рассказы, естественно, сделали этот переход одним из героических эпизодов похода. Но за героикой скрывается более интересная вещь: казаки шли не через совершенно неизвестную белую область карты. Пути через Урал существовали раньше Ермака. Ими пользовались местные народы, промышленники и участники предыдущих русских походов. Само русское присутствие на Чусовой возникло задолго до появления казачьей дружины.

Поэтому знаменитое «перешли Урал» не следует понимать как открытие европейцами прохода в неизвестную Азию. Камень уже пересекали неоднократно. Новым был **масштаб и характер предприятия**. Прежние русские отряды ходили в Югру за данью и возвращались. Ермаковская дружина двигалась значительно южнее, непосредственно в политический центр Сибирского ханства, и вскоре её действия перестали быть обычным пограничным походом.

После перевала казаки вышли в бассейн Туры. Теперь вода несла их уже не обратно к Руси, а в глубь Западной Сибири — к Тоболу и Иртышу. В этом переходе через водораздел была почти географическая необратимость: пока дружина поднималась по Чусовой, путь назад оставался естественным продолжением маршрута; оказавшись в другой речной системе, она вступала в пространство, где снабжение из строгановских владений становилось всё труднее. Чем дальше шли казаки, тем меньше поход напоминал операцию, которой кто-то мог ежедневно руководить с Камы.

Это ставит под сомнение и сам образ Строгановых как командного центра экспедиции. Даже если принять их активное участие в организации похода, после перехода Урала возможность управлять дружиной практически исчезала. Нельзя было послать Ермаку вечером приказ, получить утром донесение и скорректировать маршрут. Известия путешествовали неделями и месяцами. Решение — идти дальше, остановиться, вступить в бой, договариваться с местными князьями или возвращаться — принимали те, кто находился на месте. **География превращала автономию из политического пожелания в техническую необходимость.**

Эта черта станет одной из постоянных особенностей старой Сибири. Петербург и Москва впоследствии будут издавать тысячи указов о том, как должна жить далёкая территория. Но между указом и его исполнением всегда будут лежать расстояние, бездорожье, весенняя распутица, ледостав, паводок и местный человек, которому в конце концов придётся решать, что делать прямо сейчас. В XVI веке эта зависимость от местной инициативы была ещё сильнее.

Если у Ермака возникала проблема на Туре, государство за Уралом просто физически не могло её решить.

Но именно здесь самостоятельность перестаёт быть только красивой чертой пограничного общества и показывает свою другую сторону. Дружина сама решала не только собственные дела — она начинала решать судьбу людей, которые никакого участия в казачьем круге не принимали. Продвигаясь вниз по рекам, казаки сталкивались с татарскими владениями и другими местными обществами. Требование пропустить отряд, дать продовольствие или признать его власть могло подкрепляться оружием. Самоуправление внутри одного сообщества вполне способно сочетаться с принуждением другого. Эта оговорка нам понадобится ещё не раз: **свобода от далёкого государства сама по себе не гарантирует свободы соседу**.

Первые столкновения показали и другую важную вещь: техническое преимущество казаков существовало, но не делало их неуязвимыми. Огнестрельное оружие и небольшая артиллерия давали серьёзное преимущество, особенно в укреплённой позиции или против атаки, однако дружина оставалась маленькой и находилась далеко от своих баз. Потеря нескольких десятков опытных людей была для неё намного чувствительнее, чем для крупного государства потеря одного полка. Каждый бой поэтому был риском, а серьёзное поражение могло закончить всю экспедицию.

Сибирское ханство между тем не собиралось уступать дорогу. Кучум располагал собственными силами и мог призывать зависимых князей. Его племянник Маметкул был опытным военным руководителем и уже участвовал в нападениях на русскую границу. Но здесь обнаружилась слабость ханства, о которой мы говорили раньше. Значительная часть его войска состояла из сил местных владетелей, чья верность хану имела свои пределы. Они участвовали в войне не потому, что являлись солдатами единой государственной армии, а потому, что находились в системе зависимости и союзов.

Получалось любопытное противостояние. Кучум обладал гораздо большими людскими ресурсами, но его войско было политически неоднородным. Ермак располагал маленьким отрядом, зато его ядро составляли люди, добровольно отправившиеся в поход и привыкшие действовать как единое товарищество. Это ещё не объясняет будущих побед казаков — сводить всё к «сплочённости» было бы слишком просто, — но помогает понять, почему арифметическое сравнение численности двух сторон мало что говорит о реальном соотношении сил.

Дмитрий Верхотуров именно здесь предлагает посмотреть на поход не как на движение победоносной армии от одного успеха к другому, а как на **крайне рискованное предприятие с совершенно не гарантированным результатом**. Это полезная поправка к знанию задним числом. Мы-то уже знаем, что через несколько десятилетий в Сибири будут стоять русские города и воеводы. Ермак этого знать не мог. Для него за очередным поворотом реки вполне мог находиться отряд, который положит конец всей экспедиции. История ещё не выбрала победителя.

И Москва тем более не могла считать победу заранее обеспеченной. Царское правительство в это время было занято тяжелейшей Ливонской войной и внутренними проблемами государства. Огромная военная экспедиция через Урал была далеко не очевидным приоритетом. В этом смысле самостоятельность казаков оказалась для государства чрезвычайно удобной: **риск первоначально несло не государство**. Если дружина погибнет, Москва почти ничего не потеряет. Если победит — результаты всегда можно попытаться превратить в государево приобретение.

Подобная схема ещё много раз будет встречаться при продвижении на восток. Сначала промышленник, казак, торговец или переселенец рискует собственной жизнью и имуществом, прокладывает дорогу и создаёт фактическое присутствие. Затем появляется государство с воеводой, налогом и утверждением, что всё происходившее с самого начала являлось частью его территории. Иногда оно действительно помогало этому движению, иногда направляло его, ино-

гда пытались остановить. Но граница между народной инициативой и государственной политикой постоянно оставалась подвижной.

За Уралом эта граница стала особенно тонкой. Ермак уже не мог рассчитывать на немедленную помощь Строгановых, не говоря о Москве. Решения принимались дружиной. Атаманы руководили, круг давал коллективную легитимность важнейшим решениям, люди сами поддерживали дисциплину и несли последствия собственного выбора. В этом смысле первые месяцы похода дают нам почти лабораторный пример общества, действующего при минимальном внешнем управлении.

И результат оказался парадоксальным. **Самоуправляющаяся дружина шла создавать новую власть.** Освобождённые от повседневного государственного контроля казаки вовсе не собирались оставить в покое всех встреченных ими людей. Если поход продолжался, им требовались продовольствие, безопасность, союзники и признание их силы. Вскоре они сами начнут требовать подчинения и дани. В этом противоречии — одна из самых интересных сторон истории Ермака: самостоятельность снизу ещё не равна свободе для всех.

Пока же дружина двигалась по Туре и дальше к Тоболу. Позади остался Камень, впереди находился Иртыш и столица Кучума — Кашлык. Возможность просто совершить набег и благополучно вернуться становилась всё менее реальной. Чтобы выжить, казакам теперь нужно было либо добиться серьёзного успеха, либо найти способ договориться с окружающим их миром.

Кучум выбрал первый вариант за них.

Впереди было столкновение, после которого поход нескольких сотен казаков превратится в событие, изменившее историю всей Сибири.

В известном смысле — да: **казачье самоуправление, выборный атаман, коллективное решение идти неизвестно куда и довольно условное отношение к распоряжениям начальства** нам идейно симпатичны :) Но в книге лучше оставить анахроничное «Ермак-анархист» для разговора с читателем, а сам механизм показать исторически. И сейчас он становится особенно интересным.

3.3. Кучум против Ермака

Перейдя Урал, Ермак оказался в положении, в котором маленький отряд обычно старается не оказываться. Позади лежали горы и сотни километров трудного пути, впереди — владения Кучума, а вокруг находилось население, вовсе не обязанное радоваться появлению вооружённых чужаков. Казаки могли рассчитывать прежде всего на самих себя. Но примерно такая же проблема, только в гораздо большем масштабе, существовала и у их противника. На карте Кучум выглядел хозяином Сибирского ханства; в действительности ему ещё предстояло убедиться, насколько прочно ему подчиняются князья и общины, из которых это ханство состояло.

Первое преимущество Кучума было очевидным — людей у него было больше. Сибирское ханство могло мобилизовать татарские силы и призвать отряды зависимых хантыйских и мансийских князей. Одним из главных военных руководителей был племянник хана Маметкул, уже известный русским по нападениям на приуральские владения. Если представить столкновение как простое сравнение численности, судьба нескольких сотен казаков кажется почти решённой заранее. Но войны редко выигрываются одной арифметикой. Кучум мог собрать большое войско, однако значительная его часть состояла из людей, связанных с ханом отношениями зависимости, а не принадлежностью к единой военной организации.

Здесь снова приходится отказаться от современной политической карты. Надпись «Сибирское ханство» не означала, что каждый живший внутри нарисованной границы человек одинаково считал Кучума своим государем. Среди татарской знати сохранялись противники Шибанидов, прежде всего сторонники Тайбугинов. Хантыйские и мансийские князья имели собственные интересы. Они могли платить хану ясак и выставять воинов, но это не уничтожало их местной самостоятельности. Государство Кучума, как и московская власть на далёких северо-восточных окраинах, было скорее **системой зависимостей**, чем машиной непосредственного управления каждым селением.

Поэтому война Ермака с Кучумом с самого начала была ещё и борьбой за лояльность местных обществ. Кто сильнее? Кому платить? Кто способен защитить? Что случится, если отказаться выполнять требование далёкого хана? В политическом мире XVI века подобные вопросы могли быть важнее абстрактного представления о государственной принадлежности. Местный князь не обязан был погибать ради Кучума только потому, что позднейший историк закрасил его землю тем же цветом, что и Кашлык.

Казачья дружина, напротив, была малочисленной, но представляла собой относительно сплочённую военную организацию. Люди прошли вместе тяжёлый путь, сами согласились на предприятие и понимали, что серьёзное поражение вдали от русских поселений может стать последним. Их самоуправление вовсе не означало отсутствия дисциплины. Наоборот, добровольно принятое решение идти за Камень после начала похода превращалось в необходимость подчиняться общему порядку. Казачий круг мог спорить о том, что делать; в бою спорить было уже поздно.

Это хороший пример того, почему **самоуправление не следует путать с безначалием**. Общество способно иметь руководителей, правила и строгую дисциплину, не получая их от внешнего государства. Ермак был атаманом именно такого сообщества. Его власть была реальной, но выросла внутри дружины, а не пришла вместе с царской печатью из Москвы. В маленьком военном коллективе это давало важное преимущество: решение можно было принять там, где возникла проблема, не отправляя гонца за тысячу километров к человеку, никогда не видевшему местности.

Поход развивался серией столкновений. Источники рассказывают о боях на Туре и Тоболе, о татарских укреплениях и сопротивлении местных сил, но восстановить последова-

тельность всех эпизодов с полной уверенностью трудно: сибирские летописи создавались позднее и расходятся в подробностях. Здесь особенно легко написать красивую военную хронику, которая будет значительно точнее источников. Поэтому оставим легендарные речи атаманов и подробные схемы каждой схватки историческому роману. Для нас важен общий результат: казаки продолжали продвигаться вниз по речной системе, а Кучум не смог остановить их на дальних подступах к своей ставке.

Причём продвижение не было непрерывным триумфальным маршем. Академическая «История Сибири», придерживаясь датировки начала похода 1581 годом, описывает период, когда дружина фактически остановилась и ожидала помощи. По этой реконструкции весной 1582 года Строгановы отправили с Иваном Кольцо около трёхсот служилых людей, продовольствие, боеприпасы и даже пищаль, отлитую в Орле-городке; только после получения подкрепления казаки в сентябре двинулись дальше по Тоболу. Эта версия хорошо напоминает нам, что самостоятельность не означает чудесной независимости от материального мира: даже самым вольным людям надо что-то есть, а порох имеет неприятное свойство заканчиваться.

Главное столкновение произошло уже у Иртыша, на подступах к Кашлыку. В двадцатых числах октября 1582 года, согласно этой реконструкции, начались бои у **Чувашевского мыса**, или Подчеваша. Здесь Кучум попытался остановить казаков силами, которыми располагал. Во главе войска действовал Маметкул. Для Ермака это был критический момент: если казаки терпели серьёзное поражение, отступать пришлось бы через весь пройденный путь, а возможно, отступать было бы уже некому.

Позднейшие рассказы естественно превратили битву в столкновение казачьего огнестрельного оружия с почти беспомощным традиционным войском. Такая картина слишком проста. Огнестрельное оружие действительно было важнейшим преимуществом дружины, особенно при организованном залповом огне, а небольшая артиллерия усиливала психологический и боевой эффект. Но пищаль XVI века не была автоматом, а казак не становился неуязвимым потому, что держал её в руках. Зарядка занимала время, оружие давало осечки, а в рукопашной численное превосходство противника становилось чрезвычайно опасным.

Решающим оказалось не только оружие. Во время боёв Маметкул был ранен и вывезен с поля сражения. Среди его людей началось замешательство. И тут проявилась главная политическая слабость войска Кучума: **подвластные хану хантыйские и мансийские князья отвели своих воинов**. Академическая «История Сибири» прямо связывает этот уход с облегчением победы казаков.

Этот эпизод стоит запомнить, потому что он говорит о Сибирском ханстве больше, чем длинный перечень титулов Кучума. Когда наступил момент крайней опасности, часть местных руководителей решила, что продолжать сражение за хана не отвечает их интересам. Мы не обязаны приписывать им любовь к Ермаку — никаких оснований для этого нет. Они могли опасаться поражения, иметь старые счёты с Кучумом, рассчитывать договориться с победителем или просто не желать терять своих людей в чужой войне. Но само существование такого выбора показывает степень их политической самостоятельности.

И здесь возникает занятный парадокс. Ермак побеждал Кучума отчасти благодаря той самой **децентрализации**, которая была характерна для обоих пограничных миров. Кучум не располагал абсолютной властью над всеми своими данниками. Местные общества сохраняли собственных руководителей и способность принимать решения. Когда хан перестал казаться достаточно сильным, система зависимости дала трещину. Самостоятельность, которая в спокойное время позволяла ханству управлять огромным пространством без многочисленной администрации, во время кризиса стала его слабостью.

Но из этого не следует, что централизованное государство было исторически «лучше». Оно просто решало одну проблему ценой создания других. Местная самостоятельность позволяла обществам приспосабливаться к собственным условиям и сохранять внутренний порядок

без постоянного вмешательства верховной власти. Для Кучума неприятность заключалась в другом: **самостоятельного союзника труднее заставить умереть за государя**. Для местного князя это, возможно, было не недостатком системы, а вполне разумным преимуществом.

После Чувашевского мыса положение хана стало почти безнадёжным. В ночь с 25 на 26 октября Кучум вместе с ближайшими родственниками и мурзами покинул ставку, забрав наиболее ценное имущество и скот. Казаки вошли в оставленный **Кашлык**, который русские источники называли также городом Сибирью. Именно этот момент позднейшая традиция особенно любит изображать как падение столицы и завершение завоевания ханства.

Но картина была значительно страннее. Казаки взяли не штурмом огромную столицу после последнего боя — они заняли оставленный политическим центром городок. Кучум был жив. Его войско не исчезло. Маметкул тоже пережил ранение. Значительная часть территории никогда не видела ни одного казака. Никакой московской администрации здесь ещё не существовало. Несколько сотен людей сидели в чужой столице, окружённые населением, численно превосходившим их во много раз.

Если это было «покорение Сибири», то покорённая Сибирь пока об этом не знала.

Именно здесь особенно полезна полемика Дмитрия Верхотурова. Он совершенно справедливо обращает внимание на несоответствие между масштабом реального успеха Ермака и позднейшей формулой «покорил Сибирь». Даже разгром главных сил Кучума и занятие Кашлыка ещё не уничтожили Сибирское ханство и тем более не установили русскую власть над Сибирью. Более того, дальнейшие события покажут, насколько непрочным было положение победителей: Кучум продолжит войну, казаки понесут тяжёлые потери, а после гибели Ермака вообще оставят Кашлык. Само существование ханской столицы ещё несколько лет будет предметом борьбы.

Однако было бы несправедливо превратить развенчание мифа в развенчание самого Ермака. Его военный успех был огромен. Маленькая дружина прошла через Урал, выдержала серию столкновений, разбила главные силы противника и заставила правителя ханства оставить свою ставку. После этого политическая ситуация изменилась необратимо, даже если окончательный исход борьбы ещё совершенно не был решён. Миф преувеличивает результат похода, но не обязанность историка состоит в том, чтобы вместо памятника поставить карикатуру.

Самое интересное началось уже после победы. Если Ермак был просто предводителем грабительского набега, логичным решением теперь было собрать добычу и отправиться обратно. Если он являлся царским воеводой, следовало ждать указаний из Москвы. Но казаки не сделали ни того ни другого. Они **остались в Кашлыке**.

И очень скоро туда начали приезжать местные князья. Академическая «История Сибири» сообщает, что уже на четвёртый день после занятия города к Ермаку прибыл хантыйский князь Бояр с Демьянки; затем появились представители мансийских волостей, князь Ишбердей, татарский князь Суклем и некоторые мурзы. Они привозили пушнину и продовольствие, а Ермак принимал дары, давал ответные подарки и договаривался о новых отношениях.

Вот здесь история становится гораздо интереснее школьной формулы.

Человек, не назначенный Москвой воеводой, во главе самоуправляющейся дружины занял столицу хана — и теперь к нему едут местные правители, чтобы договариваться о власти и дани.

Кем после этого был Ермак?

Ответ «казачьим атаманом» остаётся правильным, но уже явно недостаточным. Дмитрий Верхотуров предлагает куда более провокационный ответ — **«Ермак-хан»**.

Этим и займёмся дальше.

3.4. Ермак в Кашлыке: завоеватель или новый хан?

Взять столицу — ещё не значит получить страну. После бегства Кучума Ермак оказался хозяином Кашлыка, но положение победителей оставалось почти абсурдным. Несколько сотен казаков сидели в центре огромного пространства, населённого татарами, хантами, манси и другими народами, тогда как прежний хан был жив, сохранял сторонников и мог продолжать войну. За Уралом не существовало ни русского города, ни воеводы, ни государственного аппарата, способного немедленно превратить военную победу в устойчивое управление. Если Ермак собирался остаться, ему предстояло придумать, **как вообще управлять тем, что он только что захватил.**

И тут произошло нечто более интересное, чем обычное продолжение военного похода. В Кашлык начали приезжать представители местных обществ. Академическая «История Сибири» сообщает, что уже через несколько дней появился хантыйский князь Бояр с Демьянки, затем стали приходить другие князья и мурзы. Они привозили продовольствие и пушнину, признавали новую силу, а Ермак принимал их, одаривал и устанавливал с ними отношения. Получалось, что казачий атаман, ещё недавно бывший руководителем сравнительно небольшой дружины, начинал выполнять функции верховного правителя.

Разумеется, позднейшие русские источники объясняли происходившее в понятных им категориях: местное население покорялось русскому царю, а Ермак приводил его под государственную руку. В конечном счёте именно так события и были встроены в историю Российского государства. Но если на минуту забыть, чем всё закончится через несколько десятилетий, положение осенью 1582 года выглядело значительно менее определённо. Царского воеводы в Кашлыке не было. Московского приказа о создании администрации Ермак не получал. Налоговых чиновников за собой он не привёл. **Власть возникала непосредственно на месте**, из военной победы и признания этой победы окружающими князьями.

Именно на этом Дмитрий Верхотуров строит одну из самых любопытных частей своей реконструкции — главу с нарочито вызывающим названием **«Ермак-хан»**. Смысл её не в том, что Ермак буквально принял ханский титул, надел соответствующую корону и основал новую династию. Документы такого утверждения не позволяют. Верхотуров предлагает посмотреть на фактическое положение атамана: он занял резиденцию прежнего хана, принимал местных князей, устанавливал с ними отношения зависимости, собирал ясак, заключал соглашения и защищал признавшие его общества от противников. Функционально Ермак оказался в той политической нише, которую до него занимал Кучум.

Это наблюдение хорошо согласуется с самим устройством Сибирского ханства. Кучум ведь тоже не управлял каждой деревней непосредственно. Под его верховенством оставались местные князья и общины, сохранявшие значительную самостоятельность и платившие дань. После поражения хана некоторым из них не требовалось перестраивать весь свой внутренний порядок. Достаточно было решить главный вопрос: **кому теперь отдавать соболей**. В мире даннических государств перемена верховной власти могла выглядеть именно так. Князь оставался князем, община продолжала жить по своим правилам, а наверху менялся получатель дани и источник военной защиты.

Это ещё раз показывает, почему степень местного самоуправления в старой Сибири нельзя оценивать по цвету территории на карте. Для обычного хантыгского поселения переход от власти Кучума к власти Ермака мог первоначально означать не появление новой администрации в каждом селении, а изменение внешнего обязательства. Внутренние дела по-прежнему решались на месте. Именно поэтому политическая система могла так быстро перестраиваться после поражения верховного правителя: **самоуправляющиеся местные общества**

переживали государей значительно легче, чем государства переживали потерю этих обществ.

Но добровольность такого перехода не следует преувеличивать. За Ермаком стояла вооружённая дружина, только что разгромившая войско Кучума. Когда победитель предлагает договориться, само наличие у него пищалей делает переговоры несколько убедительнее. Кроме того, казаки начали собирать ясак. С точки зрения местного населения разница между прежним и новым верховным властителем могла поэтому оказаться не такой уж большой: раньше пушнину требовал Кучум, теперь её требовали пришельцы из-за Урала. Для народов Сибири смена одного сборщика дани другим сама по себе освобождением не являлась.

Вот здесь особенно ясно проявляется противоречие самого казачьего предприятия. Внутри дружины существовало самоуправление; её руководители не были назначены московской бюрократией; поход в значительной степени развивался по решениям самих участников. Но, оказавшись победителями, казаки начали создавать **власть над другими**. Вольность для своих совершенно спокойно уживалась с требованием ясака от чужих. Это важная поправка к любой романтизации Ермака: историческая традиция самостоятельности действительно заметна, но самостоятельность одного сообщества ещё не означает равенства всех сообществ.

При этом Ермаку требовалось не только получать дань, но и доказывать, что новая власть способна выполнять обязанности власти. К нему обращались противники Кучума, местные князья искали защиты, а казакам приходилось совершать новые походы. Маметкул оставался опаснейшим противником. В феврале 1583 года, по академической реконструкции, казаки сумели захватить его на реке Вагае. Пленение наиболее деятельного военачальника Кучума резко усилило положение Ермака. Теперь речь шла уже не просто о случайном занятии оставленного Кашлыка: вокруг казачьего центра действительно начинала складываться новая система политических отношений.

Но у этой системы имелся фундаментальный недостаток. Несколько сотен человек не могли бесконечно удерживать огромную территорию собственными силами. Они не производили достаточно продовольствия, не имели постоянного притока людей и боеприпасов, а Кучум не был уничтожен. Каждая потеря уменьшала дружину без гарантии пополнения. Самоуправление прекрасно помогает людям принимать решения, но оно не создаёт из воздуха хлеб, порох и новых бойцов. Чтобы закрепить успех, Ермаку требовался более мощный союзник.

И вот тогда он обратился к государству, которое не посылало его в этот поход.

Посольство в Москву стало, пожалуй, важнейшим политическим решением дружины. Во главе его традиция ставит атамана Ивана Кольцо. Посланцы должны были сообщить царю о победе и предложить ему то, чем казаки фактически уже распоряжались: признание верховной власти над новой территорией и её данниками. Позднейшая легенда превратила эту сцену в торжественный акт передачи Сибири Ивану Грозному. Ермак словно завоевал царство, аккуратно завернул его и отправил государю в подарок.

Реальность была сложнее и интереснее. Ермаку нужен был царь не только как символ законности. Ему нужны были **люди, оружие, продовольствие и политическое признание**. Для казаков союз с Москвой означал возможность превратить рискованное предприятие в устойчивую систему. Для Москвы предложение было чрезвычайно выгодным: небольшая дружина за собственный риск добилась результата, ради которого государству пришлось бы отправлять дорогостоящую армию. Теперь этот результат предлагалось признать государевым владением.

Трудно придумать более наглядный пример того, как народная инициатива могла предшествовать государственной экспансии. Сначала люди самостоятельно перешли Урал, сами вели войну, заняли политический центр ханства и начали договариваться с местными обществами. **Только после этого они предложили государству оформить возникшее поло-**

жение. Москва не создала первоначальный успех Ермака, но получила возможность присвоить его политический результат.

И государство этой возможностью воспользовалось.

В Москве казачье посольство было принято благосклонно. Поздняя традиция особенно любит рассказ о царских подарках Ермаку — деньгах, сукне и знаменитых доспехах. Именно с царским панцирем впоследствии будет связана легенда о гибели атамана: будто тяжёлая государева кольчуга утянула его на дно Иртыша. Красивее символ придумать трудно — государство наградило вольного казака, а потом его подарок его же и утопил. К сожалению для любителей исторических метафор, достоверность деталей этой истории значительно хуже её литературных достоинств.

Гораздо важнее, что из Москвы действительно должна была прийти помощь. Теперь государство вступало в игру уже непосредственно. Казачье завоевание начинало превращаться в государственное присоединение. Но произошло это не мгновенно. Между решением в Москве и реальным появлением государевой силы в Сибири опять лежали огромные расстояния. Пока помощь шла, Ермак продолжал существовать в Кашлыке как фактический глава маленькой политической системы, созданной его дружиной.

И здесь верхотуровская формула «Ермак-хан» особенно полезна, если понимать её именно как **интерпретацию**, а не буквальный титул. Она заставляет посмотреть на события глазами современника, ещё не знающего будущего. Осенью 1582 года не было очевидно, что через несколько поколений Западная Сибирь станет частью огромного Российского государства. Можно было представить и другой исход: возвращение Кучума, появление нового татарского правителя, распад ханства на местные княжества или закрепление казачьего центра, который формально признаёт далёкого московского государя, но практически живёт собственной жизнью.

Последний вариант, кстати, не был бы чем-то совершенно невероятным для пограничного мира. Само казачество впоследствии создаст на других окраинах общества с очень высокой степенью внутренней самостоятельности, признавая при этом верховную власть государства. Формальное подданство и реальное местное самоуправление прекрасно могли сосуществовать. Именно такое сочетание станет одной из характерных черт старой Сибири: государь далеко, его имя произносится присяге и пишется на бумаге, налоги собираются, но огромная часть реальной жизни организуется теми, кто находится здесь.

В этом смысле история Ермака позволяет увидеть самую раннюю форму того противоречия, которое пройдёт через всю нашу книгу. **Государство претендует на пространство; общество реально живёт в нём.** Чем больше расстояние между центром и окраиной, тем труднее первому заменить второе непосредственным управлением. Поэтому Москва могла стать верховным владельцем Сибири только опираясь на местных людей — казаков, служилых, князей, общины, позднее крестьянские миры и городские общества. Центр мог назначить воеводу, но даже воеводе пришлось бы договариваться с теми, кто уже жил на месте.

Ермак оказался в этом отношении фигурой почти символической. Он не был анархистом, областником или сознательным сторонником автономии — такие определения были бы чистым анахронизмом. Но возглавляемая им дружина показала на практике то, что ещё много раз повторится в сибирской истории: **местное общество способно создать порядок раньше, чем государство успеет создать администрацию**. Более того, государство затем вынуждено строить свою власть поверх уже существующих отношений, а не на совершенно пустом месте.

Однако этот опыт оказался непрочным. Кучум не признал себя побеждённым. За пределами Кашлыка у него оставались сторонники. Казачья дружина постепенно несла потери, а помощь из Москвы не могла мгновенно решить все проблемы. Часть местных обществ при-

знала Ермака потому, что он оказался сильнее; если соотношение сил изменится, столь же прагматично они могли изменить решение.

Именно это вскоре произошло.

Так что знаменитое посольство в Москву было одновременно вершиной успеха Ермака и признанием его слабости. **Самостоятельность позволила казакам добраться до Кашлыка; чтобы удержать завоёванное, им понадобилось государство.** А государству, в свою очередь, понадобился результат, добытый без него.

Этот странный союз вольной дружины и царской власти ещё мог победить.

Но сам Ермак его победы уже не увидит.

3.5. Гибель Ермака — и Сибирь всё ещё не покорена

Если закончить рассказ на посольстве Ермака к Ивану Грозному, получится почти идеальный государственный миф. Казаки разбили Кучума, заняли его столицу, местные князья начали приносить ясак, а Москва признала приобретение и отправила помощь. Остаётся только провести на карте новую границу — и можно переходить к дальнейшему освоению Сибири. Но действительная история сделала неприятный для такой схемы поворот: **победители вскоре потеряли почти всё, чего добились**. Кучум продолжал войну, казачья дружина таяла, Ермак погиб, а оставшиеся казаки вообще покинули Кашлык. Если считать, что в 1582 году Сибирь уже была покорена, придётся объяснять странную вещь: почему через несколько лет покорители из неё ушли.

Москва всё-таки прислала помощь. В Сибирь был направлен отряд князя Семёна Болховского с Иваном Глуховым. Это был принципиально новый этап: за Урал пришли уже не самостоятельно действовавшие казаки, а государевы служилые люди. Казалось бы, теперь положение Ермака должно было резко улучшиться. На деле произошло почти обратное. Маленький Кашлык получил несколько сотен новых жителей, которых надо было кормить, а устойчивой системы снабжения ещё не существовало. Зима 1584/85 года оказалась тяжёлой, начался голод. Болховский умер, погибло множество его людей и казаков. Государство наконец пришло на помощь — и первым результатом стало увеличение числа ртов там, где уже не хватало хлеба.

В этом эпизоде есть почти символическая насмешка истории. Самостоятельная дружина сумела перейти Урал, разбить противника и два года продержаться в глубине чужой территории. Государственный отряд должен был укрепить её успех, но без налаженного хозяйства и местной системы снабжения сама присылка солдат проблему не решала. **Власть можно при-слать из Москвы, хлеб — значительно труднее**. Сибирь с самого начала заставляла государство считаться с простой истиной: распоряжение центра действует только тогда, когда на месте существуют люди и хозяйство, способные его выполнить.

Кучум тем временем никуда не исчез. Он утратил Кашлык, потерял Маметкула, часть прежних данников перешла на сторону победителей, но сам хан сохранил свободу действий и продолжал сопротивление. Более того, против казаков действовал уже не только он. После ослабления центральной власти оживились другие политические силы, в том числе Карача, один из влиятельных представителей сибирской знати. Это ещё раз показывает, что поражение Кучума не превратило ханство автоматически в русское владение. На месте ослабевшего политического центра возникала борьба нескольких сил, каждая из которых пыталась использовать ситуацию.

Карача сначала вступал с казаками в отношения, а затем нанёс им тяжёлый удар. В 1584 году он попросил помощи против казахов, и Ермак отправил к нему отряд Ивана Кольцо. Казаки были перебиты. Позднее силы Карачи осадили сам Кашлык. Гарнизон оказался отрезан от продовольствия, положение снова стало критическим. В июне 1585 года Матвей Мещеряк совершил ночную вылазку, разгромил лагерь противника и заставил осаду прекратиться. Но победа не устранила главной проблемы: людей становилось всё меньше, а территория вокруг Кашлыка вовсе не превратилась в спокойную русскую провинцию.

Самостоятельность местных обществ теперь работала уже против Ермака. Те князья и мурзы, которые после поражения Кучума решили признать новую силу, могли пересмотреть своё решение, когда эта сила ослабла. Это не обязательно было «предательством», как любила изображать героическая традиция. Для местного правителя способность менять союзника могла быть способом сохранить собственное общество. **В мире слабой центральной власти политическая самостоятельность означала в том числе право выбирать, кому**

подчиняться — и когда перестать подчиняться. Именно поэтому ни Кучум, ни Ермак не могли считать однажды принесённую дань вечной гарантией верности.

Последний поход Ермака связан с известием о торговом караване, якобы не пропускаемом Кучумом по Иртышу. Источники и здесь расходятся в подробностях, а поздняя традиция добавила множество красочных деталей. В августе 1585 года небольшой казачий отряд оказался на Иртыше возле устья Вагая. Ночью люди Кучума напали на лагерь. Казаки были застигнуты врасплох, и Ермак погиб.

А дальше начинается легенда.

Самый известный рассказ утверждает, что атаман попытался добраться до стругов, бросился в Иртыш и утонул под тяжестью двух панцирей, один из которых был подарен ему Иваном Грозным. Картина настолько хороша, что отказаться от неё трудно: вольного атамана буквально тянет на дно царская награда. Для нашей книги эта метафора была бы почти неприлично удобной. Но именно поэтому стоит быть осторожными. Бахрушин показывал, насколько поздние сибирские летописи перерабатывали историю Ермака и дополняли её легендарными подробностями. Рассказ о панцире относится к тому слою традиции, который нельзя безоговорочно принимать как свидетельство очевидца. Так что **государство, возможно, и не утопило Ермака даже символически** — как бы красиво это ни выглядело в нашем повествовании.

Не менее легендарна дальнейшая судьба тела атамана. Ремезовская летопись передаёт рассказ о том, как его нашли татары, узнали по доспехам, а затем похоронили с почестями; с вещами Ермака связывались позднейшие предания. Бахрушин относился к подобным рассказам критически и прослеживал их происхождение из устной сибирской традиции. Для историка здесь важнее не установить, кому досталась последняя кольчуга, а понять, насколько быстро реальный человек превратился в героя общего сибирского фольклора. Ермак оказался фигурой, память о которой сохраняли и перерабатывали разные стороны конфликта.

После его гибели положение казаков стало почти безнадёжным. Оставшиеся во главе с Матвеем Мещеряком решили покинуть Кашлык и уйти обратно. Это решение чрезвычайно важно. **Столица, которую Ермак якобы окончательно завоевал для русского царя, была оставлена русскими.** В ней не осталось ни московского воеводы, ни гарнизона, ни администрации. На короткое время результат всего похода мог показаться сведённым почти к нулю.

Именно здесь Дмитрий Верхотуров особенно энергично спорит с традиционной формулой «Ермак покорил Сибирь». Если после смерти завоевателя его люди покидают завоёванную столицу, прежний хан продолжает войну, а за власть над территорией сражаются другие местные силы, слово «покорил» явно нуждается как минимум в объяснении. Верхотуров доводит эту мысль до намеренно резкой формулировки: поход Ермака сам по себе не завершил присоединение Сибирского ханства. И в этой основной постановке вопроса с ним трудно спорить, даже если отдельные детали его реконструкции требуют проверки по другим источникам.

Но сказать, что поход закончился неудачей и ничего не изменил, было бы такой же ошибкой, только перевернутой. После Ермака Москва уже знала, что за Уралом можно закрепиться. Были разведаны маршруты, установлены отношения с частью местных князей, продемонстрирована военная уязвимость ханства. Главное же — государство теперь решило не ограничиваться далёкими данническими претензиями и эпизодическими походами. Если первая экспедиция возникла во многом снизу, то следующая стадия должна была стать уже систематическим государственным укреплением.

И характерно, что Москва решила **не восстанавливать положение Ермака в точности.** Удерживать Кашлык как единственный центр оказалось слишком трудно. Требовались собственные укрепленные пункты, связанные с путями снабжения. В 1586 году отряд воевод Василия Сукина и Ивана Мясного основал Тюмень на месте или рядом с прежней Чинги-

Турой. В следующем, 1587 году, появился Тобольск, которому вскоре предстояло стать главным русским центром Западной Сибири. Вот теперь за Уралом возникало не временное пребывание казачьей дружины, а **постоянная государственная инфраструктура** — города, гарнизоны и воеводы.

Однако и это ещё не означало окончания войны. Кучум продолжал сопротивление. Более того, борьба за наследство Сибирского ханства осложнялась действиями других представителей местной знати. Особое место в рассказе Дмитрия Верхотурова занимает воевода **Иван Чулков**, которому автор посвятил целую главу с характерным названием «Подвиг Ивана Чулкова». В 1588 году Чулков сумел заманить в Тобольск и захватить Сейдяка — представителя Тайбугинской линии, пытавшегося восстановить собственную власть, — вместе с казахским царевичем Ураз-Мухаммедом и Карачой. Тем самым был ликвидирован один из важнейших альтернативных центров власти в районе бывшей столицы ханства.

Верхотурову этот эпизод нужен для разрушения персонального мифа о Ермаке: если искать момент, после которого русское присутствие в Западной Сибири действительно стало устойчивым, приходится говорить уже о людях, которых школьная память почти забыла. Ермак совершил прорыв, но закрепляли его результат Сукин, Мясной, Чулков, служилые люди новых городов и множество вообще безымянных участников колонизации. История, как обычно, выбрала одного героя и оставила остальных в примечаниях.

Даже после 1588 года Кучум продолжал борьбу. Только в 1598 году воевода Андрей Воейков нанёс его силам тяжёлое поражение на Оби. Семья хана попала в плен, но сам Кучум сумел уйти и ещё некоторое время отказывался признать московскую власть. Его дальнейшая судьба известна плохо. Таким образом, между взятием Кашлыка Ермаком и фактическим устранением Кучума как серьёзной политической силы прошло около **шестнадцати лет**. Уже одной этой цифры достаточно, чтобы понять условность формулы «Ермак завоевал Сибирское ханство».

А если вместо ханства взять всю Сибирь, формула становится ещё условнее. За Иртышом лежали тысячи километров земель, о которых в Москве знали мало или почти ничего. Впереди были Обь, Енисей, Лена, Байкал, Амур и Тихий океан. Значительная часть будущей российской Сибири не имела никакого отношения к власти Кучума. Победа над одним ханством открывала следующую дверь — но за ней находился почти целый материк.

Поэтому Дмитрий Верхотуров прав по крайней мере в главном: **миф о мгновенном покорении Сибири Ермаком скрывает настоящий масштаб процесса**. Но и сам миф возник не случайно. Истории нужен символ, а Ермак действительно оказался человеком, после которого направление событий изменилось. До него русские неоднократно ходили за Урал и возвращались. После него государство начало строить там города и уже не ушло. В этом смысле поход был не завершением завоевания, а точкой, после которой эпизодические связи стали превращаться в постоянное русское присутствие.

Для нашей книги важен ещё один результат. Начальный этап этого перелома снова показывает, что государство не являлось единственным двигателем истории. Москва унаследовала новгородские дороги. Промышленники ушли дальше устойчивой администрации. Строгановы создали на границе собственные хозяйственные и военные структуры. Самоуправляющаяся казачья дружина перешла Урал и разгромила Кучума без постоянного руководства из столицы. И только затем государство пришло закреплять достигнутое — уже своими городами, гарнизонами, налогами и чиновниками.

Но здесь начинается и обратный процесс. Чем прочнее становилось государственное присутствие, тем сильнее Москва стремилась поставить самостоятельное движение людей под свой контроль. Вольный казак был чрезвычайно удобен, пока шёл туда, куда ещё не дошёл воевода. Когда воевода появлялся, выяснялось, что государству гораздо больше нравится **служилый**

казак, записанный, учтённый и выполняющий приказ. За человеком, открывавшим дорогу, постепенно шли начальник и сборщик налогов.

Так будет происходить снова и снова.

И всё же начальство никогда не сможет полностью отменить первоначальное условие сибирской жизни. Расстояния останутся огромными, людей будет мало, связь с центром — медленной. Поэтому государственная власть будет вынуждена постоянно опираться на местную инициативу, общину, казачье товарищество, артель, крестьянский мир и людей, умеющих решать проблемы самостоятельно. Она будет ограничивать эту самостоятельность и одновременно без неё не сможет существовать.

В этом смысле первая глава русской Сибири даёт нам важный предварительный вывод: **сибирская самостоятельность старше сибирской администрации**. Сначала появились люди, привыкшие действовать на месте, а потом — учреждения, пытавшиеся ими управлять. Это ещё не областничество и не политическая автономия. Но это историческая почва, на которой значительно позднее станет понятной мысль: Сибирь — не просто территория, которой управляют издалека, а общество, способное устраивать собственную жизнь.

Ермак Сибирь не покорил.

Он сделал нечто, возможно, более важное: **показал дорогу, после которой движение уже не остановилось**.

На этом заканчивается XVI век нашей истории. В XVII столетии русские города и остроги пойдут от Оби к Енисею, от Енисея к Лене, а затем к берегам Тихого океана. И там снова окажется, что государство зачастую лишь пытается догнать людей, которые уже ушли вперёд.

Глава 4. От Оби до Тихого океана

4.1. Сибирь пошла на восток

Если посмотреть на карту Сибири конца XVI века, достижения русских могут показаться довольно скромными. За Уралом стояли Тюмень и Тобольск, шла борьба с Кучумом, отдельные отряды собирали ясак по Оби и её притокам. Огромное пространство к востоку от Оби оставалось миром, где русских либо не было совсем, либо они появлялись эпизодически. До Тихого океана по прямой оставались тысячи километров. Но пройдёт всего несколько десятилетий — и казаки окажутся на Лене, Колыме и берегах Охотского моря. В середине XVII века Семён Дежнёв обогнёт крайнюю северо-восточную оконечность Азии, а русские отряды выйдут на Амур. **В истории колонизации трудно найти много примеров столь быстрого продвижения через настолько огромное пространство.**

На карте этот процесс выглядит почти обманчиво просто. Сначала русские заняли Западную Сибирь, затем продвинулись к Енисею, оттуда к Лене и наконец достигли Тихого океана. Можно провести несколько стрелок слева направо — и история готова. В действительности никакого единого огромного похода через материк не существовало. Люди двигались десятками разных маршрутов, возвращались, зимовали, погибали, ссорились между собой, узнавали новые дороги у местного населения, основывали небольшие зимовья, а потом из этих зимовий отправлялись ещё дальше. Сибирь не была завоёвана одной армией. Русское присутствие **расползалось по речной сети**, постепенно связывая отдельные пункты в систему.

Именно реки объясняют очень многое в истории XVII века. В европейской части страны государство привыкло мыслить дорогами, но настоящими дорогами Сибири были Обь, Иртыш, Таз, Енисей, Ангара, Лена и сотни их притоков. Летом по ним двигались на лодках и стругах, зимой замёрзшие русла превращались в естественные пути. Между соседними речными бассейнами искали волоки. Если удавалось перейти из одной системы в другую, перед землепроходцами открывались новые сотни и тысячи километров водного пути. Поэтому направление экспансии определялось не только приказами из Москвы, но и самой географией.

Поначалу главной опорой оставался Тобольск. Основанный в 1587 году, он быстро превратился в важнейший русский центр за Уралом. Его положение было почти идеальным: через систему Иртыша и Оби отсюда можно было двигаться далеко на север и восток, а через Урал сохранялась связь с европейской частью страны. Вокруг постепенно возникала сеть новых русских пунктов. В 1594 году появился Сургут, в том же году — Тара на Иртыше, в 1595-м — Обдорск в низовьях Оби. На рубеже веков русская власть уже не ограничивалась одним Тобольском, но всё ещё представляла собой скорее **цепочку укреплённых островков среди огромного пространства**, чем сплошную территорию, управляемую государством.

Это различие между картой и действительностью нам придётся помнить постоянно. Когда исторический атлас закрашивает Западную Сибирь одним цветом, возникает впечатление, что между двумя русскими острогами находилось обычное государственное пространство, примерно такое же, как между Москвой и Коломной. На самом деле между ними могли лежать сотни километров лесов, болот и рек, где не было ни чиновника, ни гарнизона, ни дороги, ни человека, способного быстро передать государев приказ. Там жили местные народы со своими общинами, князьями, обычаями и конфликтами. Признание московского царя часто выражалось прежде всего в выплате ясака и вовсе не означало исчезновения прежнего общественного устройства.

Поэтому русский острог XVII века был чем-то большим, чем просто крепость. Он становился маленьким узлом власти, торговли и связи. Здесь находился гарнизон, сюда приво-

зили ясак, здесь могли храниться припасы, отсюда отправлялись новые отряды. Рядом постепенно возникал посад, появлялись ремесленники и торговцы, иногда начиналось земледелие. Из одного такого пункта люди уходили дальше и основывали следующий. Получалась своеобразная система размножения: **острог порождает зимовье, зимовье — новый острог, а тот становится исходной точкой следующего броска на восток.**

Но государство далеко не всегда заранее решало, где именно должен появиться следующий пункт. Из Москвы можно было приказывать собирать ясак, искать новые земли и приводить местное население «под государеву руку». Определить же из Кремля, по какой именно речке удобнее пройти через неизвестную местность, было невозможно. Это выяснялось уже на месте. Служилые люди расспрашивали местных жителей, торговцев и промышленников, получали сведения о соседних реках и народах, искали проводников. Иногда начальство отправляло экспедицию целенаправленно, иногда небольшой отряд уходил практически по собственной инициативе, а государство узнавало о результате значительно позднее.

В начале XVII века особенно важным направлением стал север. Здесь возникла **Мангазья** — один из самых удивительных городов ранней Сибири. Основанная в 1601 году на реке Таз, она выросла на пути в богатейшие пушнинной районы. Само появление города показывает, насколько мощным двигателем экспансии была не только государственная политика, но и экономическая инициатива. Промышленники и торговые люди шли туда, где можно было добыть или купить соболь. Государство следовало за ними, потому что соболь означал ясак, пошлины и доход казны.

В XVII веке хорошая соболиная шкурка была не просто красивым мехом. Пушнина являлась одним из наиболее ценных товаров, которыми Россия располагала в международной торговле. Поэтому за невинно выглядящим зверьком стояла огромная экономическая сила. Соболиный мех тянул людей через болота и горы, заставлял зимовать в местах, где прежде не существовало русского поселения, становился причиной торговли, переговоров, обмана и войны. Если искать материальный двигатель русского движения через Сибирь, **рядом с казачьей пиццалью почти всегда придётся рисовать соболя.**

Причём промышленник часто оказывался впереди воеводы. Государство пыталось контролировать движение людей, взимать пошлины, учитывать пушнину и не допускать обхода казённых интересов, но огромные расстояния делали полный контроль невозможным. Человек мог уйти с небольшой артелью на сотни километров от ближайшего начальства и месяцами жить исключительно по правилам своей группы и условиям местности. Государство существовало где-то за его спиной — иногда как защита, иногда как источник обязанностей, иногда просто как далёкая власть, о которой вспоминали при возвращении с добычей.

Именно здесь сибирский **фронтёр** проявляется особенно ярко. Это была не просто линия государственной границы. Скорее широкая и постоянно перемещавшаяся зона контакта, в которой встречались разные народы, хозяйственные уклады и формы власти. Русский промышленник мог торговать с местными охотниками; казачий отряд — требовать от тех же людей ясак; воевода — запрещать казакам брать лишнее; а через год все они могли вместе защищаться от другого местного объединения. Простая схема «русские против местных» здесь снова плохо работает.

Не работала и схема «государство против свободных людей». Многие казаки являлись служилыми людьми и получали государево жалованье. Воеводы руководили экспедициями, Москва требовала искать новые земли и новых ясачных плательщиков. Государство было реальным участником экспансии. Но между приказом и его осуществлением оставалось огромное пространство самостоятельных решений. Чем дальше от Тобольска уходил отряд, тем меньше значение имела формальная должностная инструкция и тем больше — способность людей договориться между собой, выбрать маршрут, добыть пищу, установить отношения с местным населением и решить, что делать завтра.

Поэтому противопоставление **народной и государственной колонизации**, которое позднее станет важным для сибирских областников, здесь следует понимать не как две отдельные колонны людей, идущие по разным дорогам. Они постоянно переплетались. Казак мог сегодня выполнять приказ воеводы, завтра отправиться на собственный промысел, а послезавтра основать зимовье, которое через несколько лет государство превратит в официальный острог. Купец искал прибыль, государство — налоги, промышленник — пушнину, крестьянин позднее будет искать землю. Их интересы то совпадали, то сталкивались.

И государство довольно быстро обнаружило, что самостоятельность людей имеет неприятную для начальства особенность: самостоятельный человек не всегда делает именно то, что начальство считает полезным. Москва пыталась ограничивать некоторые пути, регулировать торговлю и удерживать пушнину под казённым контролем. Особенно показательна судьба морского пути в Мангазею: правительство в первой половине XVII века стало запрещать плавание туда через Карское море. Среди причин были и опасения за государственные доходы, и стремление контролировать движение людей, и страх перед возможным проникновением иностранцев. Для купца же удобная дорога оставалась удобной независимо от того, что о ней думали чиновники.

В этом смысле Сибирь очень рано поставила перед государством проблему, которая будет преследовать его столетиями: **как управлять людьми, которых невозможно постоянно контролировать физически?** Можно написать указ. Можно назначить воеводу. Можно пригрозить наказанием. Но если человек находится в нескольких месяцах пути от ближайшего начальника, реальная сила указа зависит от того, согласится ли кто-нибудь на месте его выполнять.

Пока государство пыталось решить эту задачу, движение продолжалось. От Оби русские вышли к бассейну Енисея. В 1604 году был основан **Томск**, которому предстояло стать одним из важнейших городов Сибири. В 1618 году появился Кузнецкий острог. В 1619 году был основан Енисейск. В 1628 году — Красноярский острог. Всего за четверть века цепочка русских пунктов протянулась от Западной Сибири далеко на восток.

Но особенно интересен Томск. Его основание хорошо показывает, что продвижение русских нельзя всегда описывать как простой захват. Эуштинский татарский князь Тоян сам искал московской поддержки против своих противников и в 1604 году на его земле был поставлен русский город. Конечно, последующие отношения русского государства с местным населением были далеко не равноправными и бесконфликтными. Но исходная ситуация важна: местные общества были **участниками политики**, а не неподвижными препятствиями на пути русской стрелки по карте. Они заключали союзы и пытались использовать пришельцев в собственных интересах — точно так же, как пришельцы использовали местные союзы в своих.

К 1620-м годам русское движение приблизилось к Енисею, и здесь перед ним открылась следующая огромная система путей. От Енисейска можно было двигаться к Ангаре и Байкалу, но слухи и рассказы местных жителей указывали ещё на одну гигантскую реку далеко на востоке — Лену. Там находились новые земли, новые народы и, что особенно интересовало служилых и промышленников, новые районы пушного промысла.

В Москве обо всём этом узнавали с неизбежным опозданием. Пока донесение добиралось до столицы, пока там составляли распоряжение и пока ответ возвращался обратно, люди на границе успевали несколько раз изменить ситуацию. Поэтому русское продвижение XVII века трудно представить как исполнение единого генерального плана. Скорее государство задавало общее направление — расширять государеву власть, собирать ясак, строить остроги, — а тысячи конкретных решений принимались далеко от него.

Так возникала удивительная система. Формально каждый новый острог расширял пространство царской власти. Фактически же расширение этой власти постоянно зависело от людей, обладавших высокой практической самостоятельностью. **Государство распростра-**

нялось благодаря тем качествам, которые само государство обычно стремилось ограничить: инициативе, способности к самоорганизации и привычке действовать, не дожидаясь разрешения сверху.

В конце XVI века главным русским центром за Уралом был Тобольск. Через тридцать лет русские уже стояли на Енисее. Ещё несколько лет — и маленькие отряды начнут переходить следующий водораздел.

За ним лежала Лена.

А от Лены до Тихого океана оставалось уже не столько неизвестное пространство, сколько следующая дорога.

4.2. Енисей, Лена и Якутск

К началу 1620-х годов Енисей переставал быть далёкой восточной окраиной русского движения и сам превращался в отправную точку. Енисейск, основанный в 1619 году, оказался поставлен чрезвычайно удачно: отсюда открывались пути вверх по Енисею, на Ангара и далее к Байкалу, а главное — отсюда можно было искать дорогу в новый огромный речной бассейн, о котором русские уже получали сведения от местных жителей. На востоке текла Лена. Сегодня на карте расстояние между Енисеем и Леной выглядит просто ещё одним куском Сибири. Для человека XVII века это был переход из одного известного мира в другой — через тайгу, волоки и реки, названия которых сначала приходилось узнавать у тех, кто жил здесь задолго до русских.

Сведения о Лене были слишком заманчивыми, чтобы ими не заинтересоваться. С востока рассказывали о многочисленном населении и богатых пушных угодьях. Для промышленника это означало соболя, для служилого человека — новых ясачных плательщиков, для воеводы — возможность сообщить начальству о приведённых «под государеву руку» землях. Так экономический интерес частного человека и фискальный интерес государства снова толкали людей примерно в одну сторону. Разница заключалась в том, что первый хотел добыть мех, а второе — получить свою долю меха в качестве дани и налога.

Путь нашли через систему притоков и волоков. Из Енисейска двигались к Нижней Тунгуске, оттуда через небольшие реки и сухопутные переходы можно было попасть в бассейн Лены. В 1620-х годах на Лену стали проникать русские промышленники и служилые люди. Как и раньше, трудно провести красивую линию и сказать: вот в этот день государство начало осваивать Лену. Сначала появляются сведения, отдельные группы, зимовья, сборщики ясака; затем вслед за фактическим присутствием возникает необходимость построить постоянный укрепленный пункт. **Человек снова шёл немного впереди учреждения.**

Особенно важным оказался поход отряда Пантелея Пянды, окружённый, правда, множеством позднейших подробностей и потому требующий осторожности. В исторической традиции именно с его именем связывают одно из первых больших русских путешествий по Лене в начале 1620-х годов. Независимо от того, насколько точно можно восстановить маршрут и даты этого похода, сам механизм движения понятен хорошо: небольшие группы проникали в новую речную систему, узнавали её географию и возвращались со сведениями, которыми пользовались следующие. Великие географические открытия Сибири часто совершались именно так — не торжественной экспедицией с учёными и картографами, а людьми, которым прежде всего нужно было понять, **куда течёт следующая река и можно ли по ней пройти.**

К 1630-м годам движение к Лене стало уже настолько интенсивным, что между отрядами возникла своеобразная конкуренция. Енисейские служилые люди стремились первыми добраться до новых ясачных районов, потому что пушнина означала доход не только казне. Вокруг сбора ясака постоянно возникали злоупотребления, частные интересы и споры о том, кто имеет право собирать дань с той или иной территории. Государственная экспансия в реальности выглядела значительно менее торжественно, чем на карте: государевы люди могли конкурировать друг с другом за право представлять одного и того же государя.

В 1632 году на Лену был направлен отряд енисейского сотника **Петра Бекетова**. Его имя впоследствии окажется связано сразу с несколькими сибирскими городами и острогами, но здесь нас интересует прежде всего будущий Якутск. Бекетов поставил Ленский острог на правом берегу Лены. Первоначальное место оказалось не самым удобным, и позднее укрепление перенесли. Так возник центр, получивший название Якутска и постепенно превратившийся в главную базу дальнейшего движения на северо-восток.

Это был один из тех моментов, когда несколько деревянных построек изменяли географию власти сильнее, чем можно было предположить. Пока на Лене находились временные отряды, их присутствие оставалось эпизодическим. Острог означал намерение **остаться**. В нём можно было разместить служилых людей, хранить оружие и запасы, принимать ясак, держать аманатов, отправлять новые экспедиции. Вокруг него начинали концентрироваться торговля и ремесло. Позднее Якутск станет рынком, куда якуты привозили не только пушнину, но скот, мясо, масло, кожи, рыбу, сено и собственные изделия; русские и якутские ремесленники работали рядом, причём местное кузнечное ремесло существовало ещё до прихода русских. Так военный пункт постепенно превращался в город, связывавший разные хозяйственные миры.

Но в 1630-е годы до спокойного торгового центра было ещё далеко. Русские пришли не на пустую землю. Центральная Якутия была областью расселения якутов — народа со сложившимся скотоводческим хозяйством, собственной социальной структурой и местной знатью. В отличие от многих северных охотничьих обществ, якутское хозяйство в значительной степени основывалось на разведении лошадей и крупного рогатого скота. Это давало возможность создавать сравнительно крупные объединения и располагать ресурсами, с которыми пришельцам приходилось считаться.

Само слово «якуты», закрепившееся в русском употреблении, скрывает важную для нашего рассказа вещь: перед казаками находился не единый народ, управляемый одним правителем, которому достаточно было вручить грамоту из Москвы. Существовали отдельные территориальные и родовые объединения, влиятельные тойоны, собственные конфликты и союзы. Поэтому повторилась уже знакомая нам картина. Русские пытались устанавливать отношения с отдельными местными руководителями, одни соглашались платить ясак, другие сопротивлялись, третьи могли менять позицию в зависимости от обстоятельств.

И здесь появляется неприятная сторона быстрого продвижения на восток. В официальном языке речь шла о приведении населения «под государеву высокую руку» и сборе положенного ясака. Для человека, с которого этот ясак собирали, процедура могла выглядеть значительно менее возвышенно. Пушнина была слишком дорогим товаром, чтобы государство полагалось исключительно на добровольное желание её отдавать. Использовалось вооружённое принуждение, а одним из важнейших средств обеспечения покорности стали **аманаты** — заложники, которых брали из семей местной знати и удерживали как гарантию выплаты ясака.

Такой порядок существовал в степных и сибирских политических отношениях и до прихода русских, поэтому Москва не изобрела сам институт заложничества. Но русская администрация охотно встроила его в собственную систему. Это вообще характерная черта раннего управления Сибирью: государство не столько уничтожало все существовавшие отношения и строило на их месте совершенно новые, сколько приспособляло к своим нуждам уже знакомые местному населению формы дани, посредничества через местных князей и заложничества.

Возникала странная конструкция. Москва объявляла далёкое общество своим подданным, но управлять его внутренней жизнью непосредственно чаще всего не могла. Поэтому местный тойон сохранял значительную власть над своими людьми, общины продолжали жить по собственным обычаям, а присутствие государства выражалось прежде всего в требованиях ясака, политической лояльности и признания верховной власти царя. **Империя на первых порах была гораздо тоньше, чем цвет на исторической карте.**

Но тонкая власть могла быть весьма тяжёлой там, где непосредственно касалась человека. Ясак требовалось собрать. Служилые люди хотели получить своё жалованье. Промышленники стремились добыть мех. Воеводы должны были отправить в казну установленное количество пушнины. На каждом уровне появлялась возможность взять лишнее. Государство периодически пыталось бороться со злоупотреблениями, но здесь не стоит слишком быстро записывать

начальство в защитники местного населения: разорённый ясачный человек переставал приносить соболя в будущем. У казны имелся вполне практический интерес **не позволить своим же представителям ограбить налогоплательщика до полного разорения**.

В Якутии сопротивление русским требованиям вскоре стало серьёзным. В 1630-е годы происходили вооружённые столкновения, нападения на служилых людей и попытки местных объединений избавиться от новой зависимости. Русским приходилось совершать походы, оборонять острог и договариваться с одними тойонами против других. И снова нельзя превращать историю в простую войну «русских с якутами». Часть якутской знати сопротивлялась, часть искала соглашения, местные противники могли использовать русских друг против друга, а русские — местные противоречия в собственных интересах.

Подобный механизм был одной из причин невероятной скорости продвижения. Несколько сотен служилых людей физически не могли оккупировать территорию размером с крупное европейское государство. Им приходилось встраиваться в существовавшую систему отношений. Там, где удавалось договориться с местными руководителями, небольшой русский отряд мог объявить подчинённой огромную территорию, практически не присутствуя на большей её части. Там, где договориться не удавалось, начиналась война.

Поэтому выражение «присоединение Якутии» обозначает процесс, а не одно событие. Поставить острог в 1632 году было значительно проще, чем добиться устойчивого признания новой власти. На это ушли годы конфликтов, переговоров и перестройки отношений. И даже после установления русского господства внутреннее устройство якутского общества не исчезло. Государство было вынуждено пользоваться местными структурами именно потому, что заменить их собственной многочисленной администрацией оно не могло.

Зато однажды закрепившись на Лене, русские получили совершенно новую стартовую площадку. Географическое положение Якутска оказалось исключительным. Лена вела далеко на север, к Северному Ледовитому океану. Её притоки открывали дороги на восток и запад. Из Ленского бассейна можно было искать пути к Яне, Индигирке и Колыме, а затем к морям Тихого океана. На юге и юго-западе лежали Байкал и земли бурят. Якутск стал своеобразным **перекрёстком половины Восточной Сибири**.

Бахрушин очень хорошо показывает эту смену центра движения: после основания Якутска дальнейшее продвижение на северо-восток всё больше организовывалось уже отсюда, тогда как деятельность енисейских служилых людей стала сильнее направляться к Ангаре и Байкалу. В 1642 году якутские служилые люди основали Верхоленск, а с верховьев Лены Курбат Иванов вышел к Байкалу; продвижение здесь встретило сопротивление бурят, которых русские источники называли «братскими людьми». Фронтир начинал разветвляться: одна его ветвь уходила на северо-восток, другая — к Байкалу.

Но Якутск очень быстро столкнулся с той же проблемой, что и прежние центры: людей можно было отправить дальше, а кормить их становилось всё труднее. Везти хлеб из Западной Сибири через половину материка было дорого и медленно. Поэтому за военным и промысловым освоением неизбежно должно было прийти земледельческое. Уже в 1630–1640-е годы предпринимались попытки создать пашню в Ленском бассейне. Позднее земледельческие поселения протянулись по верхней Лене и Киренге и стали хлебной базой огромного Якутского воеводства.

Вот здесь начинается превращение экспедиции в общество. Пока люди живут привезённым хлебом и рассчитывают через год вернуться домой, перед нами фронтирный отряд. Когда появляются пашни, постоянные дома, семьи, ремесленники и местный рынок, возникает уже не временная военная линия, а новый мир. Именно поэтому история русской Сибири не может состоять из одних казаков и острогов. **Завоевать дорогу способен отряд; жить на ней поколениями должно население.**

И государство прекрасно это понимало — настолько хорошо, что порой решало проблему в своей обычной манере: если крестьяне не хотели переселяться добровольно, их можно было переселить принудительно. В XVII веке власть направляла пашенных крестьян в новые районы, а попытки бежать от такого «освоения» показывают, что государственная колонизация далеко не всегда выглядела для самого колониста заманчивым путешествием к новой жизни. Позднее людей из западносибирских уездов будут партиями отправлять на восток для обеспечения хлебом служилого населения. Источники сохранили даже случаи бегства крестьян, не пожелавших участвовать в подобном государственном проекте.

Это важная поправка к красивой картине свободного движения на восток. В Сибирь действительно шли люди, которых привлекали земля, промысел, торговля или возможность жить дальше от начальства. Но рядом с ними двигались те, кого начальство как раз туда и отправило. **Вольнонародная и правительственная колонизация шли по одним рекам, иногда буквально в соседних лодках.** Для будущего сибирского общества существенно и то и другое — свободная инициатива людей и постоянные попытки государства использовать эту инициативу, направить её, обложить обязанностями или заменить принуждением.

Тем временем сама Лена переставала быть краем известного мира. Из Якутска всё чаще уходили небольшие отряды. Они расспрашивали о реках дальше на востоке, искали новые ясачные волости и богатые пушниной земли. Государство хотело новых доходов, казаки — службы и добычи, промышленники — соболя. За каждым новым притоком обнаруживался следующий путь.

На западе расстояние от Москвы до Якутска уже казалось почти невероятным.

А для людей в Якутске именно там, на востоке, начиналось самое интересное.

Впереди лежали Яна, Индигирка и Колыма. Ещё дальше находилось море, которого никто из этих людей никогда не видел. И к нему снова отправятся не армии, а маленькие отряды людей, способных месяцами жить там, где никакого начальства просто нет.

Так что до «края земли» оставалось совсем немного.

4.3. Казаки, промышленники и ясак

Если попытаться выбрать один предмет, который лучше всего объясняет русское движение по Сибири XVII века, это будет не пищаль, не крест и даже не царская грамота. Это будет **соболь**. Маленький хищник оказался одним из главных двигателей огромного исторического процесса. Его мех стоил дорого, хорошо хранился, был удобен для перевозки и пользовался спросом как внутри России, так и на внешних рынках. Там, где появлялись сведения о богатых соболиных угодьях, вскоре появлялись промышленники. За промышленниками приходили казаки. За казаками — сборщики ясака и воеводы. А затем на карте возникал новый острог.

Для московской казны сибирская пушнина была чрезвычайно привлекательна. Чтобы получить доход с земледельческого населения, требовалось дожидаться урожая, учесть хозяйства и организовать сложную систему налогов. В Сибири можно было потребовать от местного населения товар, который при относительно небольшом объёме обладал огромной стоимостью. Поэтому **ясак** — натуральная дань, прежде всего пушниной, — стал одним из важнейших институтов раннего русского управления Сибирью. Само слово пришло из тюркских языков и существовало задолго до русской экспансии. Как мы уже видели на примере Сибирского ханства, местные общества нередко и прежде находились в даннических отношениях с более сильными политическими центрами. Москва не изобрела систему — она заняла в ней место нового верховного сборщика.

Это обстоятельство облегчало расширение власти. Русскому государству вовсе не требовалось немедленно перестраивать жизнь каждого народа по московскому образцу. От местного князя или общины прежде всего требовалось признать царскую власть и платить установленный ясак. Внутри общества могли сохраняться прежние порядки, местные руководители и обычное право. Получалась очень тонкая форма имперского управления: государство претендовало на огромное пространство, но его непосредственное присутствие могло ограничиваться небольшим острогом и несколькими десятками служилых людей.

Однако слово «тонкая» не означает «мягкая». Ясак был обязательством, а не добровольным подарком русскому царю. Если население отказывалось платить, за пушнину мог отправиться вооружённый отряд. Если данники уходили дальше в тайгу, их искали. Если местный князь сопротивлялся, против него могли выступить его собственные соперники при поддержке русских. За красивой формулой «приведение под государеву руку» очень часто стоял простой вопрос: **кто кому отдаст соболей и что произойдёт, если он откажется**.

Одним из наиболее неприятных инструментов системы были **аманаты**. Русские брали заложников, часто из семей местной знати, чтобы гарантировать выплату ясака и соблюдение договорённостей. Институт аманатства существовал в степной и сибирской политической практике и до прихода Москвы, но русская администрация широко им пользовалась. С точки зрения государства это был удобный способ контролировать территорию, где невозможно разместить достаточное количество солдат. С точки зрения семьи, чей родственник сидел в остроге в качестве гарантии хорошего поведения остальных, государственная рациональность выглядела значительно менее привлекательно.

При этом даже государев ясак не всегда доходил до государя в том количестве, в каком его собирали. Между царём и охотником, добывшим соболя, стояли служилые люди, приказчики, воеводы и целая цепочка лиц, каждое из которых имело собственные материальные интересы. Возможностей взять лишнее было предостаточно. Можно было потребовать больше установленного, забрать лучшую шкурку себе, заставить продать пушнину по невыгодной цене, взыскать побочный «подарок» или просто ограбить человека, уверенного, что жаловаться ему некому.

Москва знала о подобных злоупотреблениях и пыталась их ограничивать. В распоряжениях администрации постоянно возникает требование не разорять ясачных людей, не брать лишнего и сохранять их промыслы. На первый взгляд перед нами почти гуманная колониальная политика. Но государственный гуманизм имел вполне материальное основание. **Мёртвый, разорённый или убежавший данник следующей зимой соболя не принесёт.** Казне было выгодно защищать источник дохода от слишком жадного собственного чиновника.

Здесь интересы государства и его представителей расходились совершенно естественным образом. Москва хотела получать ясак десятилетиями. Служилый человек, оказавшийся на несколько лет в далёком остроге, мог предпочитать обогатиться сейчас. Чем дальше находилось начальство, тем труднее было контролировать его действия. В результате слабость государственного контроля, которую мы постоянно встречаем в Сибири, имела две стороны. Она давала обществу пространство для самостоятельности, но одновременно предоставляла огромные возможности местному начальнику злоупотреблять властью.

Мало государства — ещё не обязательно много свободы. Иногда это просто очень много власти одного воеводы.

И всё же служилые люди составляли только часть движущегося на восток мира. Рядом с ними находились промышленники — охотники и предприниматели, уходившие за пушной самостоятельностью или артелями. Некоторые нанимались к богатым владельцам, другие объединялись на более равных началах. Артель сама распределяла работу, выбирала руководителей, организовывала снабжение и делила добычу согласно принятому порядку. В условиях, где ближайшее начальство могло находиться за сотни километров, иной способ организации был попросту невозможен.

В этом смысле промысловая артель продолжала ту линию самостоятельности, которую мы уже видели у казачьей дружины. Люди создавали маленькое временное общество для решения конкретной задачи. Им требовалось договориться, кто отвечает за лодку, кто добывает пищу, кто идёт на разведку, как распределяются припасы и кому какая доля положена после возвращения. Ни один московский приказ не мог расписать им повседневную жизнь на неизвестной реке.

Но здесь опять не следует превращать самостоятельного промышленника в безупречного народного героя. Человек мог быть свободен от воеводы и одновременно безжалостен к местному охотнику. Торговый обмен легко превращался в обман, долговую зависимость или прямое насилие. Богатые торговцы и предприниматели могли эксплуатировать собственных работников ничуть не хуже чиновника. **Народная колонизация была народной по субъекту, а не автоматически справедливой по своим последствиям.**

Особенно быстро возникала социальная разница между человеком, имевшим капитал, и человеком, имевшим только собственные руки. Для большого промысла требовались лодки, оружие, снасти, продовольствие на долгие месяцы. Богатый предприниматель мог всё это предоставить и получить значительную часть будущей добычи. Бедный промышленник оказывался зависим от того, кто снабдил его в дорогу. Так что рядом с государственным принуждением довольно быстро вырастало частное.

Для купцов Сибирь открывала огромные возможности. В остроги везли хлеб, соль, металлические изделия, ткани и другие товары, а обратно — прежде всего мех. На местах торговали и с русскими промышленниками, и с коренным населением. Разница между ценой пушнины там, где её добывали, и ценой в крупных торговых центрах могла быть огромной. Чем длиннее становился путь товара, тем больше людей стремились получить на нём свою долю.

Государство, разумеется, тоже не собиралось наблюдать за этим со стороны. Оно вводило таможенный контроль, пыталось учитывать пушнину и следило, чтобы особенно ценные товары не уходили мимо казны. Получалась знакомая картина: свободное движение людей создаёт новый торговый путь, затем приходит власть и обнаруживает, что с этого пути можно

собирать деньги. Для областнической традиции подобные истории позднее станут одним из оснований критики отношений Сибири с центром: **регион производит богатство, а значительная часть этого богатства уходит.**

Однако для XVII века было бы преждевременно переносить на людей уже сформулированную позднейшую областническую программу. Сибирский промышленник мог проклинать воеводу, уклоняться от пошлины и прятать хорошего соболя от казённого учёта, совершенно не задумываясь о политической автономии Сибири. Но сама практика жизни снова создавала опыт, из которого позднее можно было сделать политические выводы: местные люди добывают богатство, сами организуют значительную часть хозяйственной жизни, а далёкое государство прежде всего требует свою долю.

Причём государство иногда пыталось контролировать даже направление движения людей. Особенно ярко это проявилось вокруг Мангазеи. Северный морской путь через Карское море позволял поморам и торговым людям сравнительно непосредственно попадать в богатые пушнинной районы. В первой половине XVII века правительство стало ограничивать, а затем запрещать эту дорогу. Причины обсуждались разные — от опасений появления иностранных мореходов до стремления лучше контролировать торговлю и государственные доходы. Но общий смысл очевиден: **самостоятельная дорога, которую трудно контролировать, представляла для государства проблему именно потому, что была самостоятельной.**

Мангазея вообще была великолепной иллюстрацией противоречий сибирского фронта. Богатый торговый город возник почти на краю тогдашнего русского мира. Здесь сталкивались интересы купцов, промышленников, казаков и воевод. Расстояние до центра делало местную власть чрезвычайно сильной и одновременно плохо контролируемой. В 1620-е годы конфликт между двумя мангазейскими воеводами, Григорием Кокоревым и Андреем Палицыным, дошёл до фактического вооружённого противостояния внутри города. Разные группы служилых и посадских людей поддерживали разные стороны, укреплялись, стреляли друг в друга и месяцами жили в условиях внутреннего раскола.

Для нашей будущей отдельной истории Мангазеи это почти готовая политическая драма. А здесь достаточно заметить парадокс: **представители одного государства на далёкой окраине могли начать маленькую гражданскую войну между собой, пока центральная власть находилась слишком далеко, чтобы быстро вмешаться.** Государство на карте было единым; государство в конкретном сибирском городе состояло из живых людей со своими интересами, союзниками и оружием.

Но главным объектом всей этой деятельности оставалось местное население и его пушнина. Государство стремилось точно определить, кто кому должен платить ясак. На практике это было значительно сложнее. Одни и те же группы могли попадать в сферу интересов разных острогов. Служилые люди конкурировали за ясачные территории. Иногда население пытались обложить повторно. Возникали споры: кто уже заплатил, кому заплатил и почему должен платить ещё раз.

Для самого ясачного человека различие между государственным сборщиком и частным добытчиком иногда действительно могло оказаться довольно условным. Первый говорил, что соболю положен царю. Второй предлагал обмен, условия которого определял сильнейший. Третий мог просто отнять. Поэтому историю русского продвижения нельзя рассказывать только как историю предприимчивых людей, осваивавших пустующие богатства. **Богатства уже кому-то принадлежали, кто-то ими пользовался и кто-то должен был заплатить цену за появление новых претендентов.**

При этом отношения никогда не сводились исключительно к грабежу. Без торговли и сотрудничества русское присутствие на огромной территории вообще было бы невозможно. Местные жители продавали и обменивали продукты, показывали дороги, служили проводниками, вступали в союзы и сами использовали новые торговые возможности. Русские перени-

мали способы передвижения, одежду, пищевые привычки и знания о местности. На фронтире происходило не одностороннее движение цивилизации из Москвы, а постоянное взаимное приспособление людей.

И здесь снова становится видно различие между формальным господством и реальной жизнью. Царь мог считаться государем территории, но казак не смог бы пройти по ней без проводника. Воевода мог требовать ясак, но гарнизон зависел от местных поставок. Промышленник мог смотреть на коренного охотника свысока, но именно тот знал, где искать зверя и как пережить местную зиму. **Завоеватель очень быстро обнаруживал, что без помощи “завоёванного” ему не выжить.**

Так возникал сибирский мир XVII века — жестокий, предприимчивый и чрезвычайно подвижный. В нём рядом действовали государственное принуждение и частная инициатива, торговля и грабёж, сотрудничество и война, артельное самоуправление и власть богатого хозяина. Ни одна простая моральная схема не объясняет его полностью.

Но если искать главный двигатель движения всё дальше на восток, он остаётся довольно прозаическим. В уже освоенных районах соболя становилось меньше. Где-то его выбивали слишком интенсивно, где-то лучшие уголья уже были распределены, где-то государство успевало установить достаточно плотный контроль, чтобы самостоятельному промышленнику стало тесно. А на востоке рассказывали о новых реках и землях, где пушного зверя ещё много.

И люди снова собирали артель, грузили припасы и уходили дальше.

Так экономическая логика постоянно передвигала фронтир. Острог, который вчера стоял на краю известного мира, завтра становился тыловой базой. Из него выходили новые отряды, и через несколько лет далеко впереди появлялось очередное зимовье.

В конце концов впереди осталось совсем мало материка.

За Леной русские вышли к Яне. Потом к Индигирке. Потом к Колыме.

А дальше на востоке была уже не следующая река.

Там было море.

4.4. До края земли

Если продвижение от Тобольска к Енисею и от Енисея к Лене ещё можно было представить как постепенное расширение уже возникшей сибирской системы, то за Леной начиналась территория, где само понятие «дорога» становилось весьма условным. На северо-восток уходили огромные пространства тундры, тайги и гор, прорезанные Яной, Индигиркой и Колымой. Население было редким, расстояния — чудовищными, климат — таким, что ошибка при выборе места зимовки могла оказаться важнее исхода боя. И всё же именно сюда в течение нескольких десятилетий проникли небольшие отряды казаков и промышленников. В XVII веке русское движение по Сибири приобрело почти невероятную скорость: люди, родившиеся тогда, когда устойчивое русское присутствие едва перешагнуло Обь, могли дожить до времени, когда русские уже плавали у крайней северо-восточной оконечности Азии.

Якутск стал главной базой этого движения. Отсюда служилые люди уходили в разные стороны, причём граница между государственной экспедицией и самостоятельным предприятием снова оставалась подвижной. Воеводы требовали искать новые ясачные земли, но конкретный маршрут определяли сами участники. Они расспрашивали местных жителей о соседних реках и народах, нанимали или принуждали проводников, строили зимовья, оставляли небольшие гарнизоны и отправляли сообщения назад. Пока донесение возвращалось в Якутск, его автор нередко находился уже за сотни километров от места, которое описывал.

Одним из таких людей был **Иван Ребров**. В 1630-е годы русские отряды вышли из бассейна Лены к Яне, а затем к Индигирке. Здесь появились новые зимовья, ставшие опорными пунктами дальнейшего движения. Очень скоро географическая логика повторилась: вчерашний край мира превращался в базу, из которой кто-нибудь начинал расспрашивать, что находится за следующей рекой. Северо-Восточная Сибирь словно сама подталкивала пришельцев дальше — не потому, что была пустой, а потому, что существовавшая сеть местных путей постепенно открывала им следующий участок пространства.

В 1640-е годы русские вышли к Колыме. Одним из наиболее заметных участников этих походов был **Михаил Стадухин**, фигура совершенно в духе сибирского XVII века: казак, землепроходец, сборщик ясака, руководитель небольших отрядов и человек, который годами действовал на расстоянии, делавшем постоянное начальственное руководство практически невозможным. Стадухин прошёл огромные расстояния по северо-востоку Азии, участвовал в продвижении к Колыме, позднее добрался до Охотского моря. Его маршруты сами по себе показывают, насколько странным было это раннее русское присутствие: государство могло считать своей территорией пространство, которое один из его представителей исследовал, путешествуя по нему несколько лет.

На Колыме возникло Нижнеколымское зимовье, и очень скоро русские слышали рассказы о землях ещё дальше на востоке. Там жили чукчи, а где-то за ними находилась большая река, богатая моржовой костью и другими ресурсами. Особенно привлекательными были сведения о **Погыче**, или Анадыре. В условиях XVII века слух о богатой неизвестной реке работал почти как современное сообщение о найденном месторождении золота: желающие проверить появлялись довольно быстро.

И здесь на сцену выходит **Семён Дежнёв**.

Позднейшая история превратила его прежде всего в великого географического первооткрывателя, человека, прошедшего пролив между Азией и Америкой раньше Витуса Беринга. Это справедливо с точки зрения результата, но несколько искажает мотивы участников экспедиции. Дежнёв и его товарищи не собирались решать научную проблему о том, соединяются ли Азия с Америкой. Они искали путь к Анадырю и новые промысловые возможности. Великий географический результат получился из совершенно практического предприятия.

Это вообще характерная особенность раннего исследования Сибири. Человек отправлялся искать соболя, моржовую кость или новых плательщиков ясака — и между делом выяснял устройство целой части света. Научные экспедиции с астрономами, геодезистами и академиками появятся позднее. Пока же карту материка создавали люди, которым карта требовалась прежде всего для того, чтобы **куда-нибудь доплыть и желательно потом вернуться**.

Попытки пройти морем от Колымы к Анадырю предпринимались не сразу успешно. Наконец летом **1648 года** из Колымы вышла экспедиция на нескольких кочах. Среди её руководителей были торговый человек Федот Попов и служилый человек Семён Дежнёв. Состав участников хорошо показывает переплетение государственной и частной инициативы: рядом находились люди, заинтересованные в промысле и торговле, и представитель государства, которому предстояло собирать ясак. Они шли одной дорогой, хотя рассчитывали получить от неё разную выгоду.

Коч был специально приспособленным к северным морям судном. Но никакая конструкция не делала плавание безопасным. Часть судов потерялась, часть людей погибла или исчезла. Оставшиеся продолжили путь вдоль северо-восточного побережья Азии. Экспедиция обогнула большой каменный мыс — тот район, который позднее получит имя Дежнёва, — и вышла в воды, отделяющие Азию от Америки.

Так в 1648 году русские мореходы фактически прошли через **Берингов пролив примерно за восемьдесят лет до плавания Беринга**.

Но современники не вскочили с мест с криком, что решена великая географическая проблема. Донесения Дежнёва остались в сибирской делопроизводственной массе, а значение его плавания было осознано значительно позднее. Участники были заняты более непосредственными проблемами. После кораблекрушений и тяжёлого перехода им нужно было прежде всего не умереть.

В этом есть замечательная черта старой Сибири. Иногда одно из крупнейших географических открытий века могло оказаться для бюрократии просто ещё одним сообщением далёкого служилого человека. **Человек уже обогнул край Азии, а государству ещё предстояло понять, что именно он сделал**.

Оставшиеся в живых люди добрались до Анадыря. Здесь Дежнёв и его товарищи закрепились, возникло Анадырское зимовье, позднее превратившееся в острог. От Москвы их отделяло пространство, которое трудно даже представить в европейском масштабе. Реальная связь с центром занимала месяцы и могла растягиваться значительно дольше. Если у небольшой группы на Анадыре возникал конфликт, нехватка пищи или необходимость решить отношения с местным населением, никакого указа из столицы дожидаться было невозможно.

Поэтому здесь наша тема самостоятельности достигает почти предельной формы. Несколько десятков людей представляли государство там, где самого государства как аппарата практически не существовало. Они могли ссылаться на царя, собирать от его имени ясак и писать донесения, но **повседневную политику они создавали сами**. Государственная власть существовала через конкретного казака именно потому, что никакого другого её представителя в пределах сотен километров не было.

Но для местных народов это вовсе не выглядело как романтическое приключение свободных землепроходцев. На северо-востоке русские встретились с юкагирами, чукчами, коряками и другими народами, имевшими собственные территории, способы хозяйства и политические отношения. Появление новых людей означало новые требования ясака и попытку включить местные общества в совершенно чужую систему верховной власти.

С юкагирами отношения складывались особенно тесно и особенно тяжело. Их отдельные группы сопротивлялись русским отрядам, другие вступали с ними в союзы, третьи оказывались между конкурирующими силами. Вооружённые столкновения чередовались с торговлей и переговорами. Русские снова использовали аманатов и существовавшие местные противоре-

чия. Малочисленность пришельцев заставляла их искать союзников: невозможно было одновременно воевать со всеми народами огромного региона.

С **чукчами** оказалось ещё труднее. Они не имели единой государственной организации, которую можно было разгромить одним походом и заставить платить дань. Отдельные группы были мобильны, вооружены и привыкли защищать свою независимость. Само отсутствие централизованной власти, которое с точки зрения государственного чиновника выглядело признаком политической слабости, на практике делало завоевание чрезвычайно трудным. Нельзя захватить столицу народа, у которого нет столицы; нельзя пленить верховного правителя, которого не существует; нельзя получить капитуляцию государства, которого никогда не было.

Получался любопытный урок, который государствам вообще нелегко усвоить: **децентрализованное общество иногда проще победить в отдельном бою и гораздо труднее подчинить целиком**. Позднее Российская империя потратит на попытки подчинения чукчей огромные усилия, а окончательный характер отношений окажется значительно сложнее простой военной победы. Но корни этого долгого конфликта появились уже в XVII веке.

На Северо-Востоке особенно хорошо видно и другое ограничение русской экспансии. Острог можно было поставить относительно быстро. Значительно сложнее было обеспечить его хлебом. Земледелие в арктических и субарктических условиях имело очевидные пределы, поэтому гарнизоны и промышленники зависели от доставки припасов, рыбного промысла, охоты и обмена с местными жителями. Чем дальше уходил фронт, тем больше победитель зависел от окружающего мира.

В результате происходило взаимное приспособление. Русские учились пользоваться местными видами транспорта, одеждой и способами выживания. Заимствовали знания о маршрутах, местах охоты и сезонных условиях. Местные жители получали металлические изделия, новые товары и включались в торговые связи. Одновременно распространялись болезни, происходило насилие, менялись хозяйственные отношения и усиливалась промысловая нагрузка. Контакт не был ни исключительно мирным обменом, ни непрерывной войной — чаще всего оба процесса происходили одновременно.

Особенно быстро русские вышли к **Охотскому морю**. Уже в 1639 году отряд Ивана Москвитина, отправившийся из Якутска под начальством томского казака Дмитрия Копылова, достиг побережья моря, которое русские тогда называли Ламским. Таким образом, всего через несколько лет после основания Якутска люди, вышедшие из ленского бассейна, впервые достигли тихоокеанского побережья.

Дата заслуживает внимания: **1639 год**.

Тюмень была основана в 1586-м. Между появлением первого русского города в Западной Сибири и выходом русских к Тихому океану прошло немногим более полувека. Даже если считать начало движения от похода Ермака, получается одна человеческая жизнь.

Разумеется, это не означает, что за пятьдесят лет вся Сибирь стала русской в современном смысле. Большая часть пространства оставалась почти не затронута непосредственной администрацией. Между острогами лежали огромные территории местных народов. Число русских было ничтожно по сравнению с размерами материка. Многие районы ещё десятилетиями оставались малоизвестными. Но возникла **сеть присутствия**, протянувшаяся от Урала до Тихого океана.

И построена эта сеть была удивительно малыми силами. Отряд Москвитина насчитывал всего несколько десятков человек. Экспедиция Дежнёва — несколько десятков участников на нескольких судах. Стадухин годами ходил по северо-востоку с небольшими группами служилых людей. Когда позднейшая карта закрашивает результаты их движения огромными цветными пятнами, возникает опасная иллюзия массового завоевания. В реальности иногда судьба территории размером с европейскую страну начинала меняться после появления **сорока или пятидесяти вооружённых людей**.

Отсюда рождается соблазн объяснить всё каким-то исключительным героизмом русских землепроходцев. Храбрости им действительно было не занимать. Пройти несколько тысяч километров по неизвестным рекам, пережить арктическую зиму и выйти к морю без современной навигации — достижение, которое бессмысленно принижать только потому, что нам не нравится колониальная сторона процесса.

Но одного героизма для объяснения недостаточно. Русские двигались по уже существовавшему человеческому пространству. **Им показывали дороги люди, которые эти дороги знали.** Они получали от местных обществ пищу, сведения и транспорт; использовали уже сложившиеся маршруты обмена; вступали в союзы с одними группами против других. Без этого несколько десятков казаков растворились бы в Сибири бесследно.

Поэтому землепроходец XVII века одновременно может быть героем невероятного путешествия и участником насильственной колонизации. Одно не отменяет другого. Семён Дежнёв действительно совершил выдающееся плавание. Это не делает требования ясака добровольными. Сопротивление местного населения русским требованиям не превращает само плавание через арктические моря в менее впечатляющее человеческое достижение.

Такой двойной взгляд полезнее любой готовой легенды. Государственная историография долго любила первую половину картины — мужественных первопроходцев. Поздняя антиколониальная критика иногда предпочитает вторую — вооружённых сборщиков дани. **Исторический Дежнёв вполне способен быть и тем и другим одновременно.**

К середине XVII века русское движение достигло естественного предела на северо-востоке: дальше находился океан. Но у огромного материка оставалось другое направление.

На юго-востоке текла река, о которой землепроходцы слышали всё более заманчивые рассказы. В отличие от холодной Колымы и Анадыря, её долина была плодородной. Там выращивали хлеб. Там находились богатые поселения. По ней можно было двигаться на лодках через огромную страну.

Это был **Амур**.

И именно там привычная модель сибирского продвижения впервые столкнётся с серьёзной проблемой. На Оби, Енисее, Лене и Колыме небольшой русский отряд мог воспользоваться раздробленностью местных обществ, построить острог и объявить огромную территорию владением царя.

На Амуре выяснилось, что с другой стороны может прийти **другое государство — и тоже с пушками.**

4.5. Амур: место, где Россия встретила другую империю

К середине XVII века русское продвижение по Сибири приобрело почти привычный ритм. Небольшой отряд узнаёт о новой реке, идёт туда, ставит зимовье или острог, требует ясак, вступает в переговоры и конфликты с местным населением, а спустя некоторое время воевода докладывает о новых землях «под государевой рукой». На карте после этого появляется ещё одно огромное цветное пятно. Такая система сработала от Оби до Колымы. На Амуре она дала сбой. Здесь русские впервые столкнулись не только с местными обществами, но и с другой большой империей, которая тоже считала этот регион сферой своей власти.

Рассказы об Амуре доходили до Якутска задолго до появления там крупных русских отрядов. Особенно заманчивыми выглядели сведения о богатых землях на юге. Для людей, привыкших к суровому климату Якутии и северо-востока, рассказы о большой реке, плодородных долинах, многочисленном населении и хлебе должны были звучать почти как описание страны из сказки. Соболь по-прежнему имел значение, но теперь появился ещё один сильнейший мотив: **хлеб**. Огромной системе сибирских острогов требовалось продовольствие, и возможность получить его на месте была чрезвычайно привлекательна.

В 1643 году из Якутска отправился отряд **Василия Пояркова**. Его экспедиция стала одним из самых тяжёлых эпизодов русского землепроходческого движения. Отряд прошёл через бассейн Алдана к Зее, затем вышел на Амур и спустился по нему к устью. Географический результат был выдающимся: русские получили сведения об огромной речной системе и населявших её народах, а затем Поярков морем добрался до района Ульи и через Якутск вернулся обратно. Был практически разведан гигантский маршрут через юго-восток Сибири.

Но если Дежнёва легко изображать прежде всего мореходом, то с Поярковым героическая картинка становится значительно неприятнее. Его поход сопровождался тяжелейшими конфликтами с местным населением, насилием и голодом. Академическая история русской колонизации не скрывает, что жестокость отряда способствовала враждебному отношению дауров к пришельцам. Поярков мог совершить замечательное географическое путешествие и одновременно вести себя так, что люди, через земли которых он проходил, получили достаточно оснований не желать его возвращения. Эти две характеристики совершенно не противоречат друг другу.

Русские называли **даурами** часть населения Верхнего и Среднего Приамурья. Их хозяйство заметно отличалось от того, что казаки видели на северо-востоке. Здесь существовало развитое земледелие, выращивали зерно, разводили скот, имелись укреплённые поселения. Рядом жили дючеры, ниже по Амуру — народы, которых русские источники называли натками, гиляками и другими именами. Это снова был не пустой край, ожидавший землепроходца, а давно населённый регион с собственными хозяйственными и политическими связями.

Особенно важно, что эти связи уже выходили далеко за пределы местных обществ. В XVII веке в Восточной Азии происходили огромные политические перемены. Маньчжуры создали государство Цин, в 1644 году заняли Пекин и начали утверждать власть над Китаем. Для них бассейн Амура был не далёкой неизвестной окраиной: именно северо-восток Азии был связан с происхождением самой маньчжурской династии и имел стратегическое значение. Поэтому русские двигались не просто в очередную «ничейную» область за следующим водоразделом. Они приближались к зоне интересов государства, ресурсы которого несопоставимы с силами какого-нибудь якутского воеводы.

Однако из Якутска это было не так очевидно. После сообщений Пояркова на Амур отправились новые люди, и главным героем — или антигероем — следующего этапа стал **Ерофей Хабаров**. В 1649 году он получил разрешение якутского воеводы Дмитрия Францбекова на поход. Здесь хорошо видна знакомая смесь частной и государственной инициативы. Хабаров

был человеком предприимчивым, имел собственные хозяйственные интересы, собирал отряд и вкладывался в предприятие; воевода поддерживал его, поскольку рассчитывал получить новые земли и ясак для государства. Вольная инициатива и государственный интерес снова оказались в одной лодке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.